АН СССР
ИЭ

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Выпуск 1

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

МОСКВА 1990

Ответственные редакторы: Б.А.Литвинский
Т.А.Жданко
Ответственный секретарь С.В.Чешко
Редакционная коллегия: С.Г.Агаджанов, В.Н.Басилов,
Е.Е.Неразик, Г.Л.Хить, О.М.Машкина

ПРЕДИСЛОВИЕ

20–23 ноября 1988 г. в Звенигороде (Московская область) состоялась Всесоюзная научная конференция "Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана", организованная отделением истории и Институтом этнографии АН СССР в рамках комплексной программы "Этническая история и современные национальные процессы" (руководитель – академик Ю.В.Бромлей).

В представленных на конференции докладах и сообщениях отразились главные направления работ советских ученых в данной сфере исследований, выявилось единство, сходство или полярность точек зрения по ряду общих и частных вопросов.

Публикуемая резолюция конференции даст возможность читателям составить представление о характере и основных итогах ее работы.

Конференция явилась неординарным событием в научной жизни страны. Собрав специалистов из различных регионов и республик, она позволила провести своего рода "инвентаризацию" новейших материалов, проблем и подходов, связанных с этногенетическими исследованиями, выявить их современное состояние и намечающиеся общие тенденции их развития. В этом смысле значение конференции, как нам представляется, выходит за рамки среднеазиатско-казахстанской тематики.

Наивно было бы полагать, что конференция смогла решить все накопившиеся проблемы. Тем не менее в ходе трехдневных дискуссий удалось наметить некоторые пути дальнейшего научного сотрудничества, повышения методологического уровня разработок в области этногенеза и этнической истории народов Среднеазиатско-Казахстанского региона. Первостепенное значение в этом аспекте приобретает обеспечение комплексности, междисциплинароности таких разработок. Несомненно, участие представителей различных научных дисциплин– истории, археологии, этнографии, востоковедения, лингвистики, антропологии в совместных симпозиумах, в подготовке и издании коллек-

тивных монографий и сборников статей - очень важно. Однако сегодня, видимо, надо ставить перед собой уже и другую задачу - задачу реализации принципа комплексности на стадии непосредственного исследования. Этнические процессы - в древности ли, в современный ли период - не могут быть познаны путем простого суммирования данных отдельных дисциплин, каждая из которых обладает собственной источниковой базой и своей специфической методикой. Следует, наверное, подумать о внедрении практики создания временных (а возможно, и постоянных) научных коллективов на междисциплинарной основе для работы по конкретным исследовательским программам, о целенаправленной подготовке специалистов, компетентных не только в какой-то базовой отрасли научных знаний (в соответствии с профилем данного учебного или научного учреждения, факультета, кафедры и т.д.), но и способных оперировать данными смежных дисциплин, применять разнообразные способы исследования.

Конференция в Звенигороде вскрыла и то, что взаимопонимание между некоторыми республиканскими научными центрами налаживается с немалым трудом даже в рамках отдельных дисциплин. В данном случае приходится говорить не о конкуренции научных школ, а о разногласиях не вполне академического характера. Проявившееся на конференции, ставшее уже, к сожалению, традиционным, жесткое противопоставление иранского и тюркского пластов в этногенезе и культурогенезе народов Средней Азии, отрицательно сказывается на концепциях ученых.

В области методологии вновь обнаружилась поляризация двух подходов к пониманию сущности и характера этногенетических процессов. В некоторых докладах и выступлениях просматривалась тенденция к изолированным от общерегиональных этнических процессов изысканиям, недооценка роли этнических связей в истории тех или иных народов региона. Этому подходу свойственно и внеисторическое по существу трактование понятия "этнос": этносы возникают как бы в законченном виде и фактически остаются на протяжении столетий неизменными по

своим этнокультурным параметрам.

Другой подход отражен в большинстве докладов и в резолюции конференции. Его главный принцип состоит в признании межэтнических контактов одной из фундаментальных закономерностей процесса этнообразования. Для среднеазиатско-казахстанского региона в эпоху древности и в средневековье процессы межэтнической интеграции были столь же характерны, как и этнодифференцирующие, консолидационные.

В порядке подготовки к конференции были опубликованы тезисы докладов ее участников [x]. Журнал "Советская этнография" (1989, № 4) представил довольно подробный отчет о конференции, с обзором докладов и выступлений в дискуссиях. Тем не менее, следуя решениям конференции, мы публикуем тексты докладов тех авторов, которые пожелали принять участие в настоящем издании.

Материалы конференции предполагается издать в четырех выпусках: Вып.I. Общие проблемы; Вып.II. История и археология; Вып.III. Этнография; Вып.IУ. Антропология.

В ряде докладов сформулированы различные, подчас противоположные или крайне спорные точки зрения на те или другие этногенетические проблемы; это нашло отражение в выступлениях и дискуссиях участников конференции. В целях выявления всего многообразия существующих позиций и предоставления в дальнейшем наиболее широких возможностей для научных поисков и дискуссий, редколлегия решила опубликовать полученные от авторов тексты полностью, без каких-либо редакционных корректив.

Следует полагать, что предстоящие в ближайшем будущем новые региональные и межрегиональные встречи ученых, посвященные комплексному изучению проблем этногенеза народов Средней Азии и Казахстана, дадут возможность исследователям вновь обменяться итогами своих изысканий и поднять на новый, более высокий уровень разработку этих сложных и ак-

---

x/ Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1988.

туальных проблем.

Публикуемые материалы несомненно будут полезны не только специалистам, но и широким кругам читателей, интересующихся происхождением современных народов Средней Азии и Казахстана.

Председатель Оргкомитета конференции, академик АН СССР

Ю.В.Бромлей

Редколлегия

РАННЯЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕАЗИАТСКО-КАЗАХСТАНСКОГО РЕГИОНА: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В современных условиях, когда национальная политика стала неотъемлемой частью перестройки, разработка национальной и шире – этнической проблематики приобретает особое значение. Дело в том, что, хотя и ныне главное в судьбах человечества – его социальный прогресс в широком значении слова, однако не будет большим преувеличением сказать, что наряду с борьбой за мир, экологическими проблемами, вопросами здравоохранения-этнические, национальные сюжеты все более выдвигаются на передний край, приобретая глобальный характер. Все это особенно наглядно проявляется в повсеместном росте национального, этнического самосознания. Этот процесс – проявление так называемого этнического парадокса современности. Суть этого феномена, присущего ныне чуть ли не всем народам мира, состоит в том, что в условиях НТР происходит существенное усиление процесса интернационализации, который, как отмечал В.И.Ленин, интенсивно ломал национальные перегородки еще в начале нашего века[1]. Соответственно в культуре народов все более ослабевает этническая специфика. В этой ситуации, казалось бы, должно ослабевать и ее субъективное выражение, т.е. этническое самосознание. Однако, сколь это ни парадоксально, этническое, национальное самосознание повсюду усиливается.

Обусловлено это многими факторами. Среди них – не последнее место занимает своеобразная реакция на все большее ослабление объективных проявлений этнической специфики. Нельзя не учитывать и рост образования, сопровождающийся расширением массовых знаний об исторических судьбах своего народа, его культурных традициях. Но особая роль в рассматриваемом отношении принадлежит, на мой взгляд, развитию в условиях НТР средств массовой коммуникации. Они стимулируют

как внутриэтническую консолидацию, так и межэтническую дифференциацию. С одной стороны, происходит как бы сокращение расстояния между представителями одного народа, усиливаются контакты между ними, с другой, – делаются все более ощутимыми межэтнические различия. А также различия в силу неравномерности развития народов не остаются неизменными.

У роста этнического, национального самосознания у народов СССР есть также свои специфические особенности. Прежде всего этот рост, несомненно, – результат их экономического, социального и культурного прогресса за годы Советской власти, порождающий законную гордость каждого народа за свои достижения, особенно ощутимые у раннее отсталых народов. Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС "О межнациональных отношениях" характеризует этот рост как закономерное явление [2].

Следует вместе с тем четко отграничивать рост национального самосознания от негативных явлений в субъективной сфере национальных отношений. Не приходится забывать и о том, что общественная психология, в том числе этнонациональное самосознание может подчас и не вполне адекватно отражать объективные социальные процессы, в том числе и этнонациональные процессы. Но особенно негативно на этнонациональном самосознании сказываются имеющие место в нашем обществе коллизии. Ведь этнонациональные отношения сопряжены со всеми сферами жизни нашего общества. Между тем, как известно, во многих из них накопились те или иные деформации, прямо или косвенно оказывающие влияние на эти отношения. В частности, дает о себе знать наметившаяся в годы застоя тенденция усиления по ряду параметров межреспубликанской дифференциации социокультурной инфраструктуры [3]. Далеко не лучшим образом отразились на национальных отношениях как бюрократическое равнодушие к развитию национальных культур, так и проявлявшаяся подчас (и в центре, и на места) тенденция считать любые стремления, связанные с удовлетворением естественных культурно-языковых потребностей национально-

стей, выражением национализма. Это неизбежно вызывало чувство национальной обиды, ущемленности. Аналогичное последствие имело также недостаточное внимание к специфическим культурно-языковым потребностям национальных групп во многих республиках. В результате в ряде регионов страны возникли "болевые точки" в межнациональных отношениях. "В последнее время, – как отмечал М.С.Горбачев, – мы воочию убедились в какие узлы могут завязаться проблемы межнациональных отношений" [4].

Все это непременно следует иметь в виду при рассмотрении этнической истории народов, представлениям о которой принадлежит в современных условиях весьма существенная роль. Особенно это касается проблем этногенеза, происхождения народов, которые, хотя и относятся к далекому прошлому, однако нередко приобретают немалую остроту, непосредственно проецируясь на современные межнациональные отношения.

К сожалению, в исторической литературе многие факты далеко не простой этнической истории народов нашей страны либо игнорируются, либо трактуются упрощенно, а то и вовсе искажаются. В ряде республик стал прямо-таки болезненным вопрос о происхождении коренных народов. Его освещение нередко сопровождается стремлением необоснованно удревнить и приукрасить историю своего народа.

Вслед за историками, а подчас и опережая их, свой так сказать вклад в эту тенденцию нередко привносят писатели. На уровне обыденного сознания подобные, далекие от науки, представления нередко не только широко тиражируются, но и приобретают немалую остроту. Все это и придает исследованию проблем этногенеза особую актуальность.

Касаясь вопросов этногенеза, нельзя забывать и об одном, так сказать, социально-психологическом аспекте проблемы, который нередко упускается из вида. Речь идет о том, что на исследования этногенетической проблематики, подчас в той или иной степени оказывают влияние те представления об этнических проблемах, которые присущи обыденному, повседневному сознанию. Между тем обыденное сознание не только обыч-

но существенно упрощает объективные этнические явления, но и нередко их искажает. Это обуславливается целым рядом особенностей обыденного этнического сознания, его избирательностью, склонностью к абсолютизации относительных этнических свойств, тенденциозностью в их оценке и т.д. Эта предрасположенность обыденного этнического сознания к неточному воспроизведению объективной этнической картины, в свою очередь, открывает определенные возможности для появления и распространения предубежденных построений, предвзятых установок. Именно поэтому точная, подлинно научная реконструкция реальной этнической картины, в том числе и этнических процессов, имеет столь большое практическое значение. Она полностью выбивает почву из-под всякого рода антинаучных построений и установок.

Приступая к разработке проблем этногенеза, необходимо отдавать себе полный отчет как о сложности задач, которые стоят перед нами, так и о сопряженных с ними трудностях. Не должно быть никаких иллюзий, что эти задачи могут быть решены легко и просто, иначе нас постигнет разочарование, неудовлетворенность от того, что остаются нерешенными спорные вопросы, что где-то нельзя поставить все точки над i .

Ведь исследование проблем этногенеза - задача далеко не только не простая, но и требующая большого кругозора. Прежде всего это касается теоретических, методологических ее аспектов. Хотя за последнее время (главным образом усилиями этнографов) в теоретической разработке этнической проблематики произошли определенные сдвиги, тем не менее результаты этой разработки, к сожалению, по существу еще явно недостаточно, так сказать, "внедрились" в практику этногенетических исследований или по крайней мере слабо учитываются в них. К тому же далеко недостаточно продвинулась и сама разработка ряда теоретических аспектов этногенетической проблематики. Даже в определении самого термина "этногенез" имеются существенные расхождения. Наряду с хрестоматийной дефиницией, согласно которой этногенез - это "происхождение народов", можно встретить понимание этногенеза как всей этнической истории человечества. Эта "расширительная" трактовка, принадлежащая, как известно, Л.Н.Гумилеву [5], однако явно противоречит этимологии древнегреческого слова "генезис" - "рождение, происхождение, источник".

Гораздо точнее, на мой взгляд, разделение этногенеза и этнической истории. При этом, обычной гранью, отделяющей эти два этапа этнических процессов (трансформационных и эволюционных по своему типу), принято считать возникновение сравнительно устойчивого этнического самосознания у новой общности. Однако точно определить границу этого процесса, как правило, чрезвычайно трудно. К тому же даже после возникновения такового у той или иной этнической общности процесс формирования ее характерных черт продолжается. Поэтому изучение процесса этногенеза необходимо рассматривать не изолированно, а с учетом последующей этнической истории соответствующего народа.

Значительно сложнее вопрос о соотношении этногенеза и этнических процессов в целом. Недавно их предложено рассматривать как самостоятельные явления [6]. Однако это предложение далеко не бесспорно. Ведь возникновение нового этноса каждый раз - результат объединения или разделения каких-то этнических общностей, а иногда и просто трансформация одной общности, т.е. во всех таких случаях имеют место этнические процессы.

А процессы эти чрезвычайно сложны. Прежде всего - и данное обстоятельство обычно не учитывается, - они иерархичны, т.е. протекают как бы на разных уровнях. Эта иерархичность связана с иерархичностью самих этнических общностей. Дело в том, что в отличие от национальных общностей этнические образования имеют различные таксономические уровни. Во-первых, - это этнические подразделения основного уровня, этносы-народы, которые отличаются наибольшей интенсивностью этнических свойств во всей иерархии этнических общностей. Во-вторых, - это внутренние подразделения этносов - субэтносы, обладающие культурной спецификой и самосознанием. В-третьих, - это макроэтнические или, как мы их стали в последнее

время именовать, метаэтнические общности. Такая общность представляет собой исторически сложившуюся совокупность нескольких народов-этносов, обладающих некоторыми общими чертами культуры и элементами самосознания. К сожалению, при этногенетических исследованиях эта иерархичность далеко не всегда учитывается.

Между тем чрезвычайно важно знать, имеем ли мы дело с этносом или его субэтническими подразделениями, а тем более с метаэтнической общностью, еще не превратившейся в этническое подразделение.

Разнообразны и типы этнических процессов, из которых слагается этногенез. Во-первых, это межэтническая консолидация, в ходе которой родственные этнические единицы объединяются в один этнос. Во-вторых, межэтническая интеграция, т.е. появление общих культурных черт и элементов самосознания у нескольких неродственных этнических обществ, в результате чего формируется новая метаэтническая общность. В-третьих, - межэтническая миксация, в ходе которой обычно на базе уже существующей метаэтнической общности в результате дальнейшего смешения ее составляющих, усиления у них сознания единства складывается этнос основного уровня. Иначе говоря, перед нами этногенетический процесс на завершающей стадии, этногенез в узком значении слова. Это основные объединительные процессы. Они нередко сопровождаются ассимиляцией и внутриэтнической консолидацией. С другой стороны, этносы могут возникнуть также в результате процессов дивергентного характера, в которых предложено выделить два основных типа: этническую парциацию и этническую сепарацию. Первая заключается в том, что прежде единый этнос делится на несколько более или менее равных частей, причем ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым этносом (примером может служить деление древнерусской народности на три самостоятельные этнические общности: русских, украинцев и белорусов. Что касается этнической сепарации, то она состоит в отделении от какого-то народа его сравнительно небольшой части, со временем превращающейся в новый

самостоятельный этнос (таково, например, происхождение исландцев, ведущих свое происхождение от группы норвежских мигрантов).

Дело усложняется еще и тем, что тенденции всех этих разновидностей этнических процессов нередко проявляются одновременно, протекая притом на разных уровнях этнической иерархии и нередко одновременно как бы в разных направлениях - и объединительных и разделительных.

К тому же в силу многоплановости, многокомпонентности этнических общностей нередко чрезвычайно трудно определить критерии отнесения этих общностей к тому или иному уровню этнической иерархии. В качестве таких главных критериев этого рода недавно предложено рассматривать язык, эндогамию и самосознание. И такой подход, несомненно, заслуживает внимания. Но он не снимает все же трудности, связанные с их конкретным применением. Ведь даже язык не всегда может служить достаточным критерием сложения этноса (особенно в его этносоциальной разновидности), ибо нередко на одном языке говорят несколько этносов.

Это с одной стороны. С другой - не всегда можно отделить язык и диалект. Что касается эндогамии, то она для этносов доклассовых и раннеклассовых обществ имела особое значение, ибо немало способствовала (в отличие от современных этнических общностей) реализации в их рамках тенденции к формированию генетической однородности. Именно в силу этого для изучения проблем ранней этнической истории столь важны антропологические данные. И все же не следует их абсолютизировать, хотя бы уже потому, что один и тот же антропологический тип и даже подтип может охватить несколько этносов и наоборот, один этнос может включать разнородные типы.

Казалось бы в силу всего этого решающее значение для выявления этносов приобретает этническое самосознание и прежде всего его фиксация в самоназвании - этнониме. Но и здесь далеко не все просто. Во-первых, этнонимы для ранних этапов этнической истории далеко не всегда удается установить, во-вторых, нелегко отличить этнонимы от политонимов,

топонимов, конфессионимов, лингвонимов. Наконец, – и это особенно существенно – не так-то легко соотнести самоназвания с объективными показателями, в частности с данными о культурных общностях.

Ведь, как известно, наряду с этническими общностями, обладающими совокупностью определенных культурных параметров, существуют другие виды историко-культурных образований, для которых не характерно сколько-нибудь четкое самосознание. Таковы прежде всего историко-этнографические общности в двух своих разновидностях, обе из которых не обладают самосознанием. Это, с одной стороны, локальные, внутренние подразделения этноса – этнографические группы, с другой, – так называемые историко-этнографические области или даже провинции, охватывающие несколько народов. К числу собственно культурных общностей относятся образования, связанные с так называемыми хозяйственно-культурными типами, под которыми имеются в виду "исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития" [7]. Хозяйственно-культурные типы, с одной стороны, часто присущи нескольким соседним этносам, с другой – нередко даже в далеком прошлом один этнос мог не ограничиваться одним хозяйственно-культурным типом. Все это создает, в частности, значительные трудности для этнической атрибуции археологических культур, хотя культурогенез и этногенез теснейшим образом сопряжены.

Следует учитывать и тот факт, что процессы изменения основных составляющих этноса протекают с разной скоростью и далеко не одинаковыми способами. Одно дело изменение культуры, тесно связанное с передачей культурной информации, передаваемой нередко опосредовано, так сказать надконтактно, даже путем простой диффузии, несколько иное – распространение языка, для которого решающую роль играют (особенно в прошлом) непосредственные контакты на личностном уровне. Вместе с тем весьма специфический характер имеет передача биологической информации, в том числе изменение антропологических черт, – эти явления целиком протекают в русле биологической наследствен-

ности и потому, как правило, особенно устойчивы.

Как же быть в этих условиях? Прежде всего учитывать, что этнос – сложная система, обладающая как объективными (притом весьма различными), так и субъективными свойствами. А это настойчиво требует комплексного подхода, кооперации усилий ученых разного профиля. И это важное условие, как свидетельствует наша программа, достаточно учтено при подготовке сессии: в ней принимают участие археологи, антропологи, филологи, этнографы, историки, фольклористы.

Изучение этногенеза – задача очень трудоемкая еще и потому, что ее решение обычно не ограничивается анализом этнической истории на современной территории изучаемого народа. Неизбежно приходится обращаться к истории всех этнических компонентов изучаемого народа, к его этническим взаимосвязям с другими народами. К сожалению, приходится констатировать, что в ряде случаев имеет место чуть ли не соревнование: какой народ древнее, чья цивилизация старше? В анналах истории некоторые писатели в поисках так сказать "истины в последней инстанции" пытаются добыть аргументы в свою пользу. Причем поиск нередко ведется способом, противоположным научному. Не ради выявления важнейших взаимосвязей изучаемого объекта, а по принципу "исходного ростка". При этом предполагается, что такой росток изначально обладает основными присущими данному этносу свойствами, рассматриваемыми к тому же в качестве неизменных. Между тем, чем древнее корни, тем они шире разрастаются, тем больше площадь захвата. Нет ни одного народа, который присутствовал бы сегодня на земле, так сказать, в чистом виде. В веках все перемешивалось, перекрещивалось – племена, народы.

Все это, как известно, делает настоятельно необходимым рассмотрение проблем происхождения народов, не ограничиваясь рамками современного расселения каждого из них, а на обширной территории.

Преобладавшее до сих пор моноэтническое исследование этногенеза отдельных народов региона имело существенные недостатки: затруднительность сопоставления этногенетических процессов соседствующих народов из-за различного понимания содержания этих процессов, различия выделенных этапов этнической истории

крупных историко-культурных регионов, разного представления о сущности этнической терминологии, а также вследствие нередко имеющего место проявления этноцентристских концепций формирования отдельных народов.

Между тем тесная связь с переплетенностью этнической истории народов региона не позволяет разрабатывать вопросы этногенеза отдельных народов изолированно. Они должны решаться в масштабе Средней Азии и Казахстана, соседних с ними стран на общем фоне глобальных культурно-глотто-и этногенетических процессов. Именно этим мы и руководствовались, созывая настоящую конференцию, посвященную происхождению народов Средней Азии и Казахстана. Более того, далеко не всегда правомерно ограничиваться только территориальными рамками современного расселения этих народов. Не случайно ряд докладов нашей конференции выходит за их пределы и подчас довольно далеко.

В преддверии рассмотрения конкретных докладов конференции хочется еще раз напомнить об определенной ограниченности наших возможностей в изучении этногенеза вообще, ограниченности, обусловленной, прежд всего, тем, что большинство дисциплин, причастных к этому изучению, обычно располагают лишь косвенными данными об изучаемом этносе.

Даже такие весьма конкретные, весьма осязаемые источники, как археологические материалы, и то далеко не всегда дают бесспорные свидетельства об этнических явлениях. Последнее связано прежде всего с тем, что распространение отдельных компонентов культуры, в том числе материальной, не совпадает друг с другом или не совпадает с рамками этнической общности. Отсюда проистекают трудности, связанные с определением так называемых археологических культур - обстоятельства уже не раз отмечаемого специалистами. Поэтому-то при рассмотрении ранних этапов этнической истории так важно привлечение наряду с археологическими данными материалов других смежных дисциплин и, в первую очередь, антропологических материалов.

Как уже отчасти отмечалось выше, в силу того, что этнос, будучи социально-культурной общностью, обычно тесно сопряжен с популяцией, т.е. генетической единицей, образуются определенные взаимосвязи между антропологическими и этническими явлениями,

особенно тесные в тех случаях, когда речь идет о небольших длительно существующих этносах (например, племенах). Именно благодаря этому антропологические и, в первую очередь, палеоантропологические материалы могут быть нередко использованы в качестве этнических определителей соответствующих археологических культур. Впрочем, как уже говорилось, и при этом следует проявлять значительную осторожность, ибо нередко один этнос может объединять несколько антропологических типов и, наоборот, один и тот же антропологический тип может быть характерен сразу же для нескольких этносов.

Важная роль в решении проблем этногенеза принадлежит таким научным дисциплинам, как этнография, лингвистика, включая топонимику, и фольклористика. Но и у этих дисциплин есть своя ахиллесова пята - это прежде всего трудности при ориентации их данных во времени; вопросы хронологии - вот что, пожалуй, является для них основным камнем преткновения.

Все сказанное лишний раз свидетельствует о том, что при разработке проблем этногенеза остро необходима кооперация представителей разных дисциплин. Однако в повседневной нашей практике такая кооперация, к сожалению, обычно отсутствует. Это обусловлено прежде всего тем, что в основу объединения специалистов у нас, как правило, положен не проблемный, а так сказать отраслевой, дисциплинарный принцип. Поэтому сессии, подобные нашей, ломая ведомственные перегородки, объединяя специалистов разного профиля для решения одной проблемы, приобретают особый смысл, особое значение. Они открывают широкую возможность для взаимной информации о последних результатах изучения данной проблемы, для широкого обмена мнениями, творческих контактов представителей смежных дисциплин.

Поэтому, на мой взгляд, организаторы сессии поступили совершенно правильно, выделив в программе время для прений.

Обсуждению, несомненно, будет также способствовать и предварительная публикация тезисов этих докладов.

Важно, разумеется, учитывать и все то, что сделано нашими предшественниками. Дореволюционная наука оставила большое и ценное наследие в области разработки отдельных

вопросов этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Ученые России участвовали в XIX – нач. XX вв. в развитии индоевропеистики, расшифровке и изучении древнеперсидских клинописных надписей, орхонских рунических надписей, памятников среднеперсидского языка. В трудах Н.Я.Бичурина, В.В.Григорьева, В.В.Радлова, Ч.Ч.Валиханова, Н.А.Аристова, и особенно – В.В.Бартольда получили освещение отдельные вопросы этнической истории древних и средневековых племен и народностей региона. Заслугой науки этого периода было исследование живых языков и этнографии народов Средней Азии и Казахстана.

В советское время изучение этногенеза и этнической истории народов этого региона впервые становится особой исследовательской проблемой. Уже в 1920-е годы академик В.В.Бартольд создает серию ценнейших работ по истории отдельных народов, а также обобщающую монографию "История культурной жизни Туркестана". Важную роль в осмыслении этногенетических процессов древности и средневековья сыграли в 30-е и 40-е годы археологические и историко-археологические труды А.Н.Бернштама и С.П.Толстова, работы А.Ю.Якубовского по вопросам происхождения туркмен и узбеков и др.

В 1942 г. в Ташкенте Отделение истории и философии АН СССР провело сессию по этногенезу народов Средней Азии; среди докладов ее участников некоторые имели обобщающий региональный характер (Л.В.Ошанина, К.В.Тревер, А.Н.Бернштама, С.П.Толстова). Однако в дальнейшем исследование этногенетических проблем все же почти всегда сосредотачивалось на изучении учеными центра и республик путей сложения отдельных народов региона. Созданные при этом концепции отражены в трудах по истории отдельных республик. Состоялись всесоюзная научная сессия по этногенезу киргизского народа (Фрунзе, 1956) и совещание по проблемам этногенеза туркмен (Ашхабад, 1967), с участием историков, археологов, этнографов, антропологов, ставшие опытом комплексного исследования сложных этногенетических проблем. Последние решались неоднозначно; например, по вопросу о происхождении киргизов до сих пор существует несколько концепций. Существенная

попытка краткого сводного изложения этнической истории региона была сделана в изданном Институтом этнографии АН СССР в 1962-1963 гг. двухтомнике "Народы Средней Азии и Казахстана" (серия "Народы мира"). Нельзя не упомянуть и работу Б.Г.Гафурова "Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история", вышедшую в 1972 году, в которой много места уделено вопросам этнической истории таджиков и узбеков.

За два десятилетия – 1970-1980-х гг. накопилось много новых данных в области комплекса наук, исследующих на базе разных источников этногенетические проблемы региона. Новые материалы привели к возникновению разных взглядов на процессы этногенеза в регионе, подчас спорных, дискуссионных. В эти же годы получило большое развитие теоретическое осмысление этнических процессов, в том числе и этногенетических, благодаря росту исследований в области теории этноса.

Наряду с обновлением и расширением научной базы, как уже говорилось, необходимость организации широкого обсуждения проблем этногенеза народов Средней Азии и Казахстана вызвана также тем обстоятельством, что в наши дни у широких масс многонационального населения региона наблюдается огромный интерес к своему происхождению и истории. Это находит объяснение как в развитии национального самосознания, что закономерно при росте экономического и культурного потенциала республик, так и в стремлении воссоздать полную, истинную историю своих народов, без "белых пятен", искажений, стереотипов и конъюнктурных прикрас, наносивших ущерб многим связанным с этой тематикой историческим трудам в недавнем прошлом.

Учитывая тесную связь в данном регионе некоторых этногенетических проблем с межнациональными отношениями, следует отметить, что строгая научная объективность при разработке вопросов имеет здесь существенное идеологическое значение и требует морально-нравственной ответственности ученых, занимающихся этими исследованиями, в том числе ответственности за возможные предвзятые установки, рассмотрение проблем с позиций национальной ограниченности.

Итак, основная задача данной конференции – выявление характера и содержания важнейших исторических процессов, которые привели к возникновению народов Средней Азии и Казахстана. В ходе обсуждения этой проблемы следует рассмотреть существующие концепции этногенеза и этнической истории народов региона, степень изученности разных аспектов проблемы и на этой базе наметить задачи дальнейших исследований, а также возможности и формы их координации.

Следует подчеркнуть и то, что задача подобных конференций не только в том, чтобы продвинуть разработку тех или иных аспектов рассматриваемой проблемы, но и стимулировать активизацию этих исследований, наметить перспективы их разработки. Именно такими представляются общие задачи сегодняшней сессии.

---

1. Ленин В.И. ПСС. Т.24. С.125.
2. "Правда", 1988, 5 июля
3. Бромлей Ю.В. Совершенствование национальных отношений в СССР // Коммунист, 1986, № 8
4. О ходе реализации решений XXУП съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева на XIX Всесоюзной конференции КПСС // Коммунист, 1988, № 10. С.40.
5. См., например: Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1.
6. См.: Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986. С.7-8.
7. См.: Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) // СЭ. 1965. № 4. С.4.

Б.А.Литвинский

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Наука располагает богатейшими источниками для исследования процессов этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана [I]. Это:

а) Письменные исторические источники, начиная от "Авесты", древне-персидских и древне-греческих до документов XIX и даже XX вв. Они написаны на различных языках. Исключительно обильны сведения по этнической истории в средневековых нарративных и актовых источниках, почти не затронутых разработкой в этом плане.

б) Литературные сочинения и эпос, которые перекликаются (и частично совпадают) с историческими источниками. Они исключительно важны для выявления линий развития духовной культуры (понятие которой много шире, включая, в частности, религию и др.); сложения феномена культуры того или иного народа в ее специфических формах развития; формирования и развития самосознания народа. Все это вообще не исследовано.

в) Археологические источники, которые содержат богатый материал, но в этническом плане разработаны лишь частично, т.к. их этническая аттрибутация вызывает специфические сложности. К ним примыкают иконографические источники, которые, впрочем, могут быть выделены в особую группу.

г) Палеоантропологические и антропологические материалы; они очень обширны. Для научного освещения этногенеза существенно важно выяснить, из каких расовых компонентов сложился тот или иной народ Средней Азии, а также проследить динамику этого процесса в прошлом. При этом необходимо избегать упрощенных и ложных представлений о прямой и непосредственной связи этноса со входящими в него расовыми компонентами: разные этносы могут состоять из одних и тех же физических типов, историческая эволюция этноса, изменения в культуре и языковые изменения могут далеко опережать из-

менения в физическом типе.

д) Лингвистический материал огромен. Для этногенеза важны как синхронические, так и диахронические исследования с изучением отдельных языков и диалектов в их современном и историческом развитии. К сожалению, по многим вопросам нет соответствующих исследований: например, нет капитальной монографии по истории таджикского языка. Очень важны результаты ареальных исследований, как иранских (В.И.Абаев, В.С.Соколова, В.С.Расторгуева, Д.И.Эдельман), так и тюркских (Н.З.Гаджиева) языков. В перспективе - исследование языкового союза, эта задача была сформулирована уже выдающимся лингвистом Евгением Дмитриевичем Поливановым. Появились работы по топонимике и исторической топонимике (Р.Х.Додыхудоев, А.Л.Хромов), вскрывающие древнейшие языковые пласты. Работы в этой области иногда становятся уделом дилетантов.

е) Этнографические и фольклорные источники подробно анализировать в данной аудитории нет необходимости. Отметим лишь, что совместные работы этнографов и специалистов по письменным источникам пока не налажены. Серьезные успехи в этнографическом изучении Средней Азии, целеустремленный этнографический поиск в области этнической истории (см., в частности, работы С.М.Абрамзона, Г.П.Васильевой, В.В.Вострова, А.Д.Джикиева, Т.А.Жданко, Б.Х.Кармышевой, М.С.Муканова, Р.Л.Неменовой, А.К.Писарчик, О.А.Сухаревой, К.Ш.Шаниязова и других) проходит почти исключительно в рамках отдельных народов и их частей. Чуть ли не исключением является замечательная работа Б.Х.Кармышевой, посвященная этнической истории и этническим связям узбеков и таджиков на юге Средней Азии. Региональных исследований ничтожно мало. Ареальные исследования лишь начинаются - мы имеем в виду статьи Т.А.Жданко, статьи и находящуюся в печати монографию Л.А.Чвырь.

Процесс этногенеза в Средней Азии и Казахстане - неразрывная часть обширных этногенетических процессов в Евразии. Безусловно, к нему приложимы те закономерности, которые выявлены нашими ведущими теоретиками этногенеза и прежде всего академиками Ю.В.Бромлеем и В.П.Алексеевым и целой плеядой

исследователей-теоретиков. Конкретное исследование этногенеза и этнической истории Средней Азии и Казахстана (как и Востока в целом), может в свою очередь внести новые или дополнительные аспекты в разработку теории этноса. Особо существенное значение приобретает системный подход к изучению этногенеза ("не перечень элементов, а система является основой типологии", - писал один из столпов современной лингвистики Р.О.Якобсон [2]), введение понятия "этногенетической модели"; самое широкое применение ареальных понятий и методов, особенно лингвистических. Анализ среднеазиатско-казахстанского этногенетического и историко-культурного процесса выявляет, что этнические и культурные границы между этническими массивами были не жесткими, а подвижными и имели характер двусторонне-проницаемых мембран, причем этнокультурная "проницаемость" не была константной, а изменявшейся (по-разному в каждом направлении) величиной. В процессе экономических и культурных взаимодействий этносы и соответствующие культуры выступали как селектирующие (в частности культурных и экономических элементов и структур) среды. При этом очень существенны адаптивные способности заимствованных элементов и структур в воспринимающей среде, а также процессы культурной аттракции. Все эти процессы носили ярко выраженный динамический характер [3].

Исследователи этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана до сих пор полностью игнорировали религиозные факторы, что следует признать совершенно неверным. До арабского завоевания в Средней Азии и Казахстане было несколько религий; после арабского завоевания почти исключительно одна - ислам.

Роль ислама в процессе этногенеза была весьма значительной. С одной стороны, он как бы отгораживал от какого-либо этнического (но не экономического и культурного) смешения с любыми немусульманскими народами. Лишь принятие ими ислама могло служить началом интенсивных процессов этнического взаимодействия. С другой стороны, действовала и противоположная тенденция. Принадлежность к числу мусульман была иерархически выше, чем национальная принадлежность, и ниве-

лировала ее, способствуя интенсификации этнических процессов внутри мусульманской общины.

В Средней Азии и Казахстане этногенетический процесс помимо этого обладал рядом особенностей.

I. Экологическая обстановка создавала с эпохи бронзы возможности для двухукладного хозяйства: оседло-земледельческого и кочевого скотоводства. Позже сформировалась трехчленная система: город – сельская округа – кочевая степь.

2. Географическая ситуация и исторические судьбы региона способствовали созданию здесь обществ и государственных образований с высокоразвитой цивилизацией. Исторические, культурные и этнические связи и взаимодействия соединяли их со странами Древнего Востока (в средние века – Переднего и Среднего Востока и Индии) и евразийского пояса степей.

3. С конца эпохи бронзы оазисы и степи Средней Азии и Казахстана заселяли по преимуществу индоевропейцы (прототохарцы, протоиндийцы, протоиранцы и др.), среди которых преобладали с I тыс. до н.э. восточные иранцы, с начала II тыс. н.э. – таджики. Однако этногенетический процесс развивался не внутри территории – изолята, а в обстановке постоянных миграций. Индоевропейский, собственно иранский, этнокультурный субстрат постоянно взаимодействовал с волнами мигрировавших этносов и непрерывными этническими инфильтрациями. Среди них были индоевропейские (в частности, греки, западные иранцы, индусы и др.), семитические (арабы, евреи, сирийцы и др.), тибетские, монгольские и др. И хотя некоторые из них были довольно значительными количественно и сыграли важную этнокультурную роль в плане этногенеза, несравненно более многочисленными и результативными (на несколько порядков выше) были волны тюркских племен и народов.

4. Этногенез каждого народа развивался не изолированно, а в полиэтнической среде, с чересполосным расселением народностей и в обстановке непрерывного притока новых этнических компонентов. Как известно, "существенное влияние на этническую ситуацию оказывает и соотношение контактирующих этносов" (Ю.В.Бромлей). Исключительно важен тип этнического контакта. Это может быть контакт маргинальных частей двух

(или нескольких) или дисперсные контакты двух (или нескольких) чересполосно расположенных этносов. Второй тип ведет к несравненно более интенсивному этно-культурно-лингвистическому взаимопроникновению.

В результате все это привело к многолинейному субстратно-суперстратному течению этнических процессов [4]. Это было отнюдь не однонаправленное последовательное развитие, как нередко пытаются представить, а многофакторный ветвистый процесс. Так, например, приток в Среднюю Азию тюркоязычного населения являлся длительным и многоактивным процессом. По-существу, это целая система налагающихся и перекрывающих друг друга волн, каждая из которых взаимодействовала с исходным субстратом и предыдущими волнами. Несмотря на длительность и на протяжении целого тысячелетия практическую непрерывность этого процесса, он отнюдь не был равномерным. Его течение знало резкие ускорения, когда в Средней Азии или отдельных частях ее расселялись многочисленные тюркские племена или народы, причем нередко это были и целые группы племен и народов, когда этническая карта стремительно менялась и это-политическое напряжение достигало предела. Такие периоды сменялись другими, характерными медленными инфильтрациями. Динамика тюркских вторжений не совпадала с ходом и динамикой культурного, этнического, языкового и расового взаимодействия пришлого (обычно по-преимуществу кочевого) и местного (по-преимуществу оседлого) населения – эти процессы шли значительно медленнее и притом с различной скоростью, причем нередко культурно-лингвистические процессы значительно, на столетия опережали весомые, отражающиеся в краниологическом материале, антропологические изменения. Во всем этом играла роль целая совокупность факторов, в том числе социальных (типы взаимодействующих обществ, свойственных им структур и институтов), политических (культура и язык этноса, стоящего у власти, распространялись шире, чем собственно этнос), религиозных, эколого-географических и экономических (природные изоляторы – высокогорные долины с их населением, историко-хозяйственные типы и т.д.). Разумеется, рассмотрение этногенетических и этнических процессов

не может замыкаться внутри даже такого обширного региона как - Средняя Азия и Казахстан (с прилегающими областями), который можно назвать, используя терминологию Н.Н.Чебоксарова [5], среднеазиатско-казахстанской историко-этно-графической провинцией. Дело не только в учете очаговых явлений в источниках этнических миграций, этно-культурных диффузий и интерференций, или фона, на котором протекают процессы в данной, пусть обширной области. В связи с выдвинутой В.П.Алексеевым очень плодотворной идеей этногенетических пучков, этногенез части среднеазиатских народов должен также рассматриваться в плане среднеазиатско-иранской, других - среднеазиатско-казахстанской этногенетической ветвей [6].

Все эти заключения, сделанные на основании письменных, археологических и лингвистических источников, подкрепляются палеоантропологическими данными.

По заключению В.П.Алексеева и И.И.Гохмана, в раннее средневековье "на территориях нынешних Узбекистана и Таджикистана как в сельской местности, так и в городах было распространено преимущественно европеоидное население... Наличие небольшой монголоидной примеси в составе населения весьма вероятно, хотя и недоказуемо". В целом описываемый краниологический комплекс сближается авторами с тем, который характерен для современных таджиков и узбеков, но не обнаруживает такого заметного влияния монголоидных комплексов. "Из Южного Казахстана и Северной Киргизии происходят серии... в основном того же краниологического комплекса, но гораздо более брахикранных и широколицых... О монголоидной примеси в составе этих серий можно говорить уже довольно уверенно, что выявляется не только в брахикрании и ширине лицевого скелета, но и в некоторой его уплощенности". Могильники тюркского кочевого населения дали материал, характеризующийся брахикранией, умеренной широтой лица, умеренным выступанием носовых костей, уплощенностью лицевого скелета. В этих сериях по сравнению с тюркскими сериями из Южной Сибири"... преобладание европеоидного комплекса становится заметным. Это антропологическое наблюдение приводит к важному выводу: тюркские кочевники в процессе расселения по Средней Азии постоянно состояли в генетических контактах с местным населением и впитывали здесь европеоидные элементы. В то же время несомненна волна монголизации местного населения, которую они вызвали..." [7]. Она четко прослеживается на материалах Семиречья, в остальных же регионах монголоидная примесь незначительна. При этом, как показал Т.К.Ходжайов, - степень монголизации на протяжении У-IX вв. не изменилась. Так, средняя величина индекса УЛС (уплощенности лицевого скелета) не изменилась, оставаясь равной 22,4.

В X-XШ вв. население Средней Азии становится в значительной мере смешанным, имеются как европеоидные, так и значительно монголизированные группы. Последние локализуются на севере Средней Азии, в других ее частях - главным образом в районах сельского расселения. Индекс УЛС, равный в среднем 26,6, в сельских сериях дает величину 36,0, в городских I8,5.

В XIУ-XУП вв. индекс УЛС в целом для Средней Азии равен 28,6, "то-есть несколько повышается по сравнению с предыдущим периодом. Однако увеличение этого индекса плавное, без скачков, и не настолько сильное, чтобы можно было говорить о значительном притоке нового населения монголоидного облика в Среднюю Азию. Более 40 % населения характеризуется европеоидными чертами, 50 % - смешанными и лишь I0 % населения монголоидными особенностями". Далее Т.Ходжайов пишет о том, что монголоидная примесь по сравнению с предыдущим периодом несколько увеличивается, "... но не в такой степени, как ранее предполагали многие исследователи. Монгольское завоевание значительно повлияло на расовый состав населения северной и северо-восточной областей" [8]. Эти заключения Т.К.Ходжайова - проникновенного исследователя антропологии Средней Азии - необычайно важны для изучения процессов этногенеза и этнической истории Средней Азии.

В эпоху развитого и позднего средневековья формируется характерный для современности антропологический облик народов Средней Азии. Это горные таджики и памирцы, лишенные монголоидной примеси; туркмены, равнинные таджики и узбеки

с монголоидной примесью, а также монголоидное население на территории Казахстана и Киргизии (у казахов более сильная, чем у киргизов, европеоидная примесь) [9].

Ряд коренных проблем среднеазиатского этногенеза все еще недостаточно разработан и крайне далек от окончательного решения. К ним относятся этногенез и этническая история узбекского народа, этническая история таджикского народа, киргизский этногенез. Хотя этими проблемами занимались крупнейшие ученые и накоплен обширный материал, многие источники даже не затронуты в этом плане.

Так, совершенно не разработана этническая история городов Мавераннахра и Хорасана в средние века. Учитывая, что именно города являлись узлами этногенетических процессов, это представляет зияющую лакуну. Или, скажем, можно считать, что этногенез таджикского народа в основном длился до X-XI вв. Но мы ничего не знаем о его последующей этнической истории вплоть до XVII-XIX вв. То же самое, впрочем, относится и к ряду других народов, все усилия сосредоточены на установлении истоков этногенетических процессов, последующая история разработана крайне слабо.

К тому же значительная часть среднеазиатских этногенетических исследований ведется на устаревшей методической базе. Общеизвестны огромные достижения советской науки в разработке общих проблем теории этногенетических процессов, методики их исследования. Я лишь назову труды Ю.В.Бромлея, В.П.Алексеева, К.В.Чистова, В.И.Козлова, М.В.Крюкова и мн. др. Однако все это практически до сих пор не использовалось, существующие этногенетические схемы во многом покоятся на ныне устаревших идеях и приемах. В ряде случаев мы сталкиваемся с субъективистским стремлением "удревнить" этногенез того или иного народа, упростить и "сгладить" его ход и этническую историю. Имеются и другие негативные явления, особенно в области культурного наследия.

Фундаментальный вопрос о границе этногенетического процесса и начале этнической истории, если исходить из существующих теоретических разработок, опирается на определение, что такое собственно народ (или этнос в узком смысле слова),

каковы его признаки?

По словам Ю.В.Бромлея и В.И.Козлова "... Этнос (в узком значении этого термина) может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированных в самоназвании (этнониме)". И еще: "Этносом является только та совокупность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей. Это осознание членами этноса своего группового единства принято именовать этническим самосознанием, внешним выражением которого является самоназвание (этноним). Самосознание членов этноса как бы фокусирует представления об общности территории ("родной земли"), языка ("родного языка"), отличительных особенностях культуры и психики, а также о какой-то общности происхождения и исторических судеб входящих в него людей". Этническое самосознание - не только важнейший этнический определитель, но и "... сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их в этническом отношении другим этносам" [10].

По мнению В.П.Алексеева "... сложение языка, на котором говорит народ, формирование его культуры, образование характерных психологических стереотипов во всяком случае входят в число динамических процессов, охватываемых понятием этногенеза" [11]. Кроме того, он подчеркивает важность таких определителей, как этническое самоназвание, самосознание, специфическая культура [12]. Его заключение: "Общее самосознание какой-то этнической общности автоматически связано с существованием общего самоназвания" [13].

На мой взгляд, все это бесспорно и в полной мере относится и к народам Средней Азии. Однако ни в одном из исследований по среднеазиатско-казахстанскому этногенезу проблема этнического самосознания, несмотря на обилие письменных источников, в частности художественных произведений, даже не поднимается. Более того, даже важнейший признак - самоназвание, порой полностью игнорируется.

Так, во всех трудах по истории таджикского народа, в том числе написанных мною или вышедших под моей редакцией, завершение сложения таджикского народа традиционно относится к IX–X вв. Однако, строго говоря, это тоже требует более гибкого рассмотрения.

Первое упоминание термина "таджик" в качестве принятого сейчас этнонима зафиксировано в письменных источниках для первой половины XI в. – Абу-л-Фазл Бейхаки дважды упоминает его при описании событий 40-х гг. XI в.[14]. Поэтому сложение таджикского народа правильнее относить к X–XI вв., но при этом в IX–X вв. складывается основа этой народности с ее языком (таджикский – "дари"), замечательной литературой, наукой, духовной и материальной культурой.

В трудах по истории узбекского народа упор делается на расселении в Средней Азии тюркоязычных этносов – и это совершенно оправдано – а затем следует вывод, как в последнем издании "Истории Узбекской ССР" (1967 г.), что "в XI–XII вв. в основном завершается процесс формирования тюркоязычной народности, получившей впоследствии название узбеков". А.А.Аскаров акцентирует внимание на том, что "проникновение даштикипчакских племен в среднеазиатское междуречье в начале XVI в. не привело к существенному подъему экономики и культуры узбекского народа" и что это проникновение не изменило существенно антропологический облик населения Мавераннахра. Вместе с тем А.А.Аскаров проявляет в высшей степени взвешенный и научный подход, размышляя о процессах иранизации тюркоязычных этносов и тюркизации ираноязычных и никаких окончательных выводов не делает [15].

Наши соображения сводятся к следующему.

Тюркоязычный этнос (или, точнее, этносы) XI–XII вв. отнюдь не воспринимал сам себя как узбекский. Тогда не было еще ни узбекского самосознания, ни узбекского языка, ни самого самоназвания "узбек". А ведь самосознание и отражающее его самоназвание, как указывалось выше, – важнейший, причем маркирующий, элемент этногенеза как динамической системы.

Что касается самоназвания "узбек", решающий вклад в изучение этой проблемы внесли такие выдающиеся востоковеды, как

А.А.Семенов и Б.А.Ахмедов [16]. Слово "узбек" зарегистрировано в источниках уже для XIII в., но лишь в качестве личного имени, антропонима. "Узбековцами" называли жителей Золотой Орды времени правления Узбек-хана (1312–1340 гг.), но и это, считают исследователи, не имеет отношения к происхождению узбекского народа. Лишь обозначение населения Дашти-Кипчака словом "узбеки" и название его "узбекской степью" связано с интересующей нас темой. Как установлено, на основании анализа источников, Б.А.Ахмедовым, "термин узбек как собирательное имя для всего тюрко-монгольского населения Дашти-и Кипчака возник, по-видимому, лишь в 60-х годах XIV в." [17]. И далее: "В начале XVI в. часть вышеуказанных племен (узбеки, узбеган у восточных авторов), сплотившихся вокруг Шайбани-хана, вторглась в Среднюю Азию и обосновалась на территории современного Узбекистана. С этого времени термин узбек получил этническое значение, и тюркоязычное население всей этой территории приняло имя узбек". Тут речь идет, – продолжает Б.А.Ахмедов, – лишь о времени происхождения термина узбек, как этнонима [18]. Собственно также трактовал этот вопрос А.Ю.Якубовский, писавший, что кочевые узбеки, пришедшие в XVI в. из Дашти-Кипчака, растворились в тюркском населении Мавераннахра. "Кочевники узбеки вошли в это тюркоязычное население, как последнее слагаемое и передали ему свое имя" [19].

Хронология возникновения и утверждения этнонима "узбек" перекликается с историей становления старо-узбекского языка. Один из крупнейших знатоков истории тюркских языков, А.М.Щербак, относит возникновение и начальный период развития староузбекского языка к концу XIII и ко всему XIV вв. Тогда "на территории Ферганы, в Мавераннахре и Хорезме в различных пропорциях вступали в контакт и взаимодействовали представители трех основных диалектных групп: карлукско-уйгурской, уйгуро-огузской и кыпчакской" [20]. Завоевательное движение Абул-Хайра способствовало распространению западно-тюркских (кыпчакских) элементов. Кочевники – узбеки заняли Мавераннахр. Указав на это, А.М.Щербак отмечает: "... возникновение узбекской народности и староузбекского языка

явилось результатом сложного взаимодействия местного тюркского населения Мавераннахра и Ферганы с кочевниками Дашти-Кыпчака и населением Хорезма. При этом местное тюркское население само по себе смешалось с иранским и поглотило ряд монгольских племен, известных под общим названием чагатаев" [21].

Староузбекский язык достиг совершенства на следующем этапе – в XV–XVI вв.

При этом следует иметь в виду, что "подражание персидским образцам, стремление воспроизвести дух и форму персидской поэзии, как хорошо показал Нава'и в Мухакамат ал-луга-тайн, составляли основную заботу абсолютного большинства тюркоязычных поэтов XIV и XV вв." В литературном языке "нередко преобладает персидская лексика, употребляются служебные слова и целые конструкции, не свойственные тюркской речи" [22]. Наряду с таджикско-персидской лексикой немало и арабской лексики. Их суммарное содержание минимально составляет 30–40 %, но бывают и в полтора раза больше [23].

Таким образом, с XV–XVI вв., уже после прихода в Среднюю Азию и расселения в ней узбеков Шейбани-хана, строго говоря, можно считать существующим узбекский народ как отдельный этнос.

Вместе с тем, – и это следует сказать со всей определенностью, – это отнюдь не снимает и не отрицает древнее культурное наследие узбекского народа, ибо в его состав вошли и отуреченные согдийцы и хорезмийцы, а также на протяжении многих веков принявшие узбекский язык обширные пласты оседлого таджикского населения. Об этом свидетельствуют как археологические, так и письменные источники, а для последних столетий также лингвистические, этнографические и антропологические материалы. Во всех областях жизни – от языка до экономики, уже возникшие народы Средней Азии и Казахстана тесно взаимодействовали друг с другом. Именно в этом стержень этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.

Отметим лишь отдельные моменты.

Тюркско-согдийское взаимодействие началось уже в конце VI и в XVII вв. Во главе согдийского города Пенджикент стоял

тюркский по происхождению правитель Чекин-чур Бильге, сын Бучута (ок. 694–708/9 или ок. 690–704 гг.). "О том, что наряду с согдийцами в городе Пенджикенте жили и тюрки, свидетельствуют и другие мугские документы; тюркское имя Ут ('wtt) носил управляющий дворцовым хозяйством (prm'nδ'r) Пенджикента, упоминаются и другие тюркские имена (например, yrk'y в док. B-4= Irkäj), а также представители тюркских племен (trδwš "тардуш"); один из документов фиксирует брак знатного тюрка Ут-Тегина ('wttkyn) с согдиянкой. Тюркское имя носил и самаркандский царь Тархун, 700–710 гг. (согд. trγw'n , араб. , перс. в рукописях Бал'ами ср.титул trγw'n в согдийской Бугутской надписи VI в., позднее trγ'n , тюрк. tarqan) [24]. Это взаимодействие и взаимовлияние оставили яркие следы в духовной и материальной культуре тюрков и согдийцев.

Позже столь же тесно взаимодействовали и замовлияли таджикское население и тюркские племена. Это приводило, в частности, к двуязычию.

В Мавераннахре и Хорасане в XV в. оно было широко распространено не только у представителей литературы, но и у самых широких слоев населения.

Навои писал буквально следующее: "Тюрки от большого до малого, от нукера до бека владеют языком сартов в такой степени, что могут говорить на нем о делах, относящихся и к повседневной жизни, некоторые (при этом) говорят даже вполне литературно" [25]. Этот процесс, начавшийся задолго до Навои, протекал в сфере разговорного и литературного языка (и литературных форм) и много позже, вплоть до новейшего времени.

В результате взаимодействия в таджикский язык вошло большое количество тюркских, особенно узбекских, слов [26]. Вследствие соседства и тесного общения таджиков и узбеков, в северо-таджикских говорах, помимо лексических заимствований, есть инновации, идущие от узбекского, и распространяющиеся на область фонетики, синтаксиса и др.

Известный исследователь таджикского языка В.С.Расторгуева объясняет это применительно к таджикам Северного Таджики-

стана и Узбекистана следующим образом: "Привыкнув пользоваться в повседневной речи узбекским языком, говорящие незаметно для себя начинают переносить некоторые свойственные ему нормы и на свой родной язык. В грамматическом строе северных таджикских говоров в связи с этим появляется тенденция к общему типологическому сближению с узбекским языком, к однотипности с ним в способах выражения различных грамматических значений" [27].

В свою очередь, воздействием субстратного таджикского языка можно объяснить отсутствие такой характерной черты, как сингармонизм в некоторых узбекских говорах, обширный пласт иранизмов (т.е. таджикизмов) в узбекском языке и т.д.

По свидетельству Е.Д.Поливанова, в ташкентско-ходжентско-самаркандско-бухарских узбекских говорах не только нет сингармонизма, но они в значительной степени повторяют звуковую систему таджикского языка, в частности, вокализм из шести гласных i , e, ə , a, o, u . Происхождение этого явления он видит в том, что в процессе узбекско-таджикских языковых контактов, таджикское население, переходя к двуязычию, "вселяло" туркскую лексику в свою фонетическую систему, а когда таджикский язык полностью забывался, узбекский язык оставался метаморфизованным. В зависимости от разных причин, степень метаморфизации образовывала целую систему переходов [28].

Концепция Е.Д.Поливанова неоднократно подвергалась критике, что, однако, по словам А.М.Щербака, "не поколебало ее устои" [29].

Иранские языки, как в средне-иранском состоянии, так и ново-иранском (прежде всего - таджикский) оказали определенное влияние и на другие тюркские языки Средней Азии, куда, в частности, вошел значительный пласт иранской, преимущественно таджикской лексики.

Можно привести и другие факты - например, воздействие памирских языков на южно-таджикские говоры и, в свою очередь, таджикского - на памирские языки и т.д.

Диалекты южных киргизов находились (и находятся) в близком соприкосновении с местными узбекскими и таджикскими говорами, узбекское и таджикское влияние на эти говоры несомненно.

Можно говорить о языковой интерференции у двуязычных носителей казахского языка в Туркмении, параллельно владеющих туркменским языком; у носителей туркменского языка в Каракалпакии, параллельно владеющих своим и каракалпакским языком.

Изучив огромный материал по связям и соответствиям в тюркских языках Средней Азии, Н.З.Гаджиева сделала вывод: "Среднеазиатский (тюркский - Л.Л.) языковый регион характеризует целый ряд структурных особенностей, отличающих его от других тюркоязычных ареалов" [30].

Обычно языковое взаимодействие - один из элементов целого комплекса этнокультурных контактов, как правило, имеющих экономическую базу.

Существовало несколько моделей такого взаимодействия, отличающихся в городах и в сельских местностях [31].

Изучение культуры (духовной и материальной) древнего, средневекового и нового времени всей Средней Азии, процессов формирования культур отдельных народов и их взаимодействия необычайно важно для исследования процессов этногенеза и этнической истории. К сожалению, охарактеризовать далее основные закономерности, в силу ограниченности места, невозможно. Отметим, что наиболее этнически "окрашенной" и даже определенной является литература, включая, разумеется, фольклор, некоторые другие проявления духовной и материальной культуры.

Наблюдаются значительные диффузионные явления не только в области языка, но и в области культуры, явления культурной интерференции. При этом, как это установлено лингвистами в отношении языковых союзов, наряду с изоглоссами, связывающими воедино весь ареал, есть изоглоссы, простирающиеся лишь в той или иной его части, так и в среднеазиатском ареальном этноконтинууме ареальные явления представляют довольно пеструю, на первый взгляд, картину в виде то сгущающихся, то разряжающихся пучков изопрагм.

Приведем несколько примеров из области этнографии.

В киргизском орнаменте есть много элементов и комплексов, восходящих к орнаменту оседлых народов Средней Азии и роднящие его с ним. Вместе с тем, киргизский орнамент во многом близок казахскому. Материальная культура киргизов также особенно близка казахской (особенно у киргизов Северной Киргизии), а также каракалпакской и культуре кочевых узбеков. Выявлены соответствия обуви и женских налобных повязок киргизов и горных таджиков и т.д.

Целая группа ташкентских сузани имеет много общего с произведениями такого крупного центра народного искусства Таджикистана, как Ура-Тюбе.

В области брачного обряда народов Средней Азии можно выделить два субареала: I.Казахи, киргизы, каракалпаки, полукочевые узбеки; Таджики и оседлые узбеки. Особое место занимает туркменская свадьба, где, наряду со своеобразием, заметно смешение двух вышеназванных комплексов. Но и первый и второй комплекс также имеют общие элементы. Так, например, в ритуале и терминологии бухарско-таджикской свадьбы прослеживаются узбекские элементы.

В отношении верований можно говорить о практически едином среднеазиатском пандемониуме.

Е.Д.Поливанов отметил, что "... вскрывая весь целиком материальный быт и народное литературное творчество узбеков, мы найдем картину, говорящую именно в пользу иранской (т.е. таджикской - Б.Л.) этнографической подпочвы у данного турецкого народа". Факты иранско-тюркской "... гибридизации мы будем встречать на каждом шагу, - во всем, что составляет жизнь оседлого узбека...". Об этом же свидетельствует топонимика и узбекская демонология [32]. Перечень таких межэтнических сходств можно было бы продолжить бесконечно, существенно важно, что речь идет не только об изолированных явлениях, но и о целых пучках их и даже о пластах культуры. Чрезвычайно актуально создание монографии (или даже монографий), обобщающих и анализирующих этот материал.

Во взаимодействии языков, помимо чисто лингвистических закономерностей, большую роль играли экстралингвистические факторы: географические (яркий пример дифференциаций, усиливавшихся природными факторами - языки населения Западного Памира) и социально-политические (границы государственных образований, престижность языка господствующего слоя, различие религий и т.д.)[33]. При рассмотрении же вопросов этногенеза внеэтнические факторы также играют исключительно важную роль, ибо течение процесса зависит от взаимодействия этнических и внеэтнических факторов [34], как общественных, так и природноэкологических.

Сам характер слабо-коммуникативного феодального общества являлся препятствием для образования общей культуры вне узких локальных пределов и ограниченных этнических массивов, хотя эти узкие рамки феодальной культуры, как суммы целой серии частных субкультур, имели тенденцию разрушаться. Процессы этнической консолидации и интеграции, как имманентные, так и ускоряемые (замедляемые) внеэтническими факторами, оставались, вплоть до нового времени, незавершенными даже в рамках одного народа. Все это взаимодействовало с процессами этнокультурной и языковой интерференции, что еще больше осложнило ход и результаты этнических процессов.

В существующих исследованиях применительно к народам Средней Азии распространена формула: "завершение образования (или сложения, формирования) такого-то народа произошло..." и далее называется очень узкий временной интервал. Такая постановка проблемы представляется сейчас некорректной. Следует говорить скорее о длительном, растянувшемся на многие столетия, процесс становления, так сказать кристаллизации, этнических организмов, которые вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции продолжали свое формирование. Совершенно ясно, что грань между "этногенезом" и последующей "этнической историей" в Средней Азии и Казахстане очень зыбкая и условная. Появление этнонима чрезвычайно важно, но оно говорит лишь о первых проблесках этнического самосознания. Вероятно, этим временем

следует завершить этап этногенеза. Но затем начинается самое сложное и малоисследованное - этническая история. В ее процессе содержание, вкладывавшееся в этноним, могло меняться, даже сильно трансформироваться. Так, например, смысл терминов "таджик" и "узбек" (как и других среднеазиатских этнонимов) не оставался неизменным, они отнюдь не всегда имели исключительно этническое значение. Осознание своей принадлежности к одному из народов нередко было более слабым (или даже несравненно более слабым), чем более четкое и определенное чувство принадлежности к какой-то территориальной или родоплеменной группе. Кроме того, параллельно существовали, видоизменяясь, разные термины, так, например, параллельно с терминами "таджик" [35] и "узбек" существовали термины "тат" [36] и "сарт". Приходится констатировать, что письменные и этнографические материалы, характеризующие эти этнонимы в их реальном хронолого-региональном контексте, практически еще не разработаны.

Охарактеризованная выше картина, существовавшая даже в новое время, отражает "размытость" и неопределенность этнического самосознания [37] с его разными иерархическими уровнями, противоречивость происходящих в регионе этнических процессов.

Из всего сказанного выше вытекает, сколь много предстоит сделать в области изучения этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.

I. Я не останавливаюсь на историографии - ее сжатая характеристика содержится в докладе Ю.В.Бромлея.

2. Якобсон Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. // "Новое в лингвистике". Вып.Ш. М., I963. С.97.

3. См. об этом: Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А. Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана (теоретический аспект). Тезисы. М., I976.

4. "Явление субстрата связано с этническим смешением и поэтому не является чисто лингвистическим, когда мы говорим о субстрате,- пишет В.И.Абаев, - мы предполагаем этногенетический процесс, сопровождающийся языковыми

последствиями". (Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., I965. С.I45). О роли субстратно-суперстратных процессов в этногенезе Средней Азии я писал в I976 г. // Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А. Узловые проблемы...

5. Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. // СЭ. I976. № 4.

6. Алексеев В.П. Этногенез. М., I986. С.99, I02.

7. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М., I984. С.94. См. также Ходжайов Т.К. Материалы к антропологии средневекового населения Киргизии. // Вопросы антропологии. В.53. М., I976.

8. Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (антропологические исследования). Ташкент, I987. С.6-3I.

9. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М., I984. С.I45-I48. Детальные материалы - Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., I972.

I0. Современные этнические процессы в СССР. М., I975. С.I0-II. См. также Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., I973. С.30-3I. Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. // СЭ. I974. № 2; Крюков М.В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. // Расы и народы. В.6. М., I976; Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., I98I. С.258-259; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., I983. С.55-58; Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., I989.

II. Алексеев В.П. Этногенез. М., I986. С.33.

I2. Алексеев В.П. Указ. соч., с.26-3I.

I3. Алексеев В.П. Указ. соч., с.28.

I4. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., I972. С.375. См. также детальный анализ: Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском междуречье. // Советская археология. XX. М., I954.

I5. История Узбекской ССР. Т.I. Ташкент, I967. С.380; Аскаров А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа. // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, I986.

I6. Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж.ССР. Т.XП. I954; Ахмедов Б.А., Государство кочевых узбеков. М., I965. С.II-I7.

I7. Ахмедов Б.А. Указ. соч., с.I5.

I8. Ахмедов Б.А. Указ. соч. С.I7.

19. Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент. 1941. С.3.

20. Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л., 1962, С.223.

21. Щербак А.М. Указ. соч. С.18-19.

22. Щербак А.М. Указ. соч. С.225.

23. Щербак А.М. Указ. соч. С.227.

24. Лившиц В.А. Правители Панча (Согдийцы и тюрки). // Народы Азии и Африки. 1979. № 4. С.58.

25. Цит. по: Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л., 1962. С.15.

26. Doerfer G.Türkische Lehnwörter im Tadschikischen.Wiesbaden,1967(Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes,XXXVIII/3). Здесь есть подсчеты (имеющие весьма условный характер) доли тюркских слоев в литературном языке и диалектах (564-65), а также важный раздел о языковых пластах тюркских заимствований (72-79).

27. Расторгуева В.С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964. С.129 и след.

28. Поливанов Е.Д. Этнографическая характеристика узбеков. Вып.I. Происхождение и наименование узбеков. Ташкент, 1926. С.19-25; Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1932. С.12-13, 19; Поливанов Е.Д. Материалы по грамматике узбекского языка. Вып.I. Введение. Ташкент, 1935. С.20-39. См. также: Боровков А.К. Вопросы классификации узбекских говоров. // Известия АН Уз.ССР. 1953. № 5; Решетов В.В. Изучение узбекских народных говоров. // Материалы по узбекской диалектологии. I. Ташкент, 1957; Решетов В.В., Шоабдурахманов Ш. Узбек диалектологияси. Ташкент, 1962. С.70-85; Шоабдурахманов Ш. Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1963. С.74-76; Решетов В.А. Узбекский язык. // Языки народов СССР. Т.П. Тюркские языки. М., 1966. С.359-361.

29. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1976. С.192. Гаджиева Н.З. высказала идею, что процессы утраты сингармонизма и т.д. шли спонтанно, а "иранское влияние явилось катализатором, ускорившим эти процессы" - Гаджиева Н.З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики. // Вопросы языкознания. 1975. № I. С.24 (в другом месте на с.25 говорится, что эти явления были "усилены" "иноязычным влиянием"). См. также Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975. С.213-291.

30. Гаджиева Н.З. Проблемы..., с.98.

31. О них - Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А. Узловые проблемы...

32. Поливанов Е.Д. Этнографическая характеристика... С.26.

33. Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков. М., 1968. С.63-66.

34. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С.35-46.

35. Бартольд В.В. Таджики. // Соч. Т.П. Ч.I. М., 1963. С.455-457. Лившиц В.А. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии. В.А.Лившица. М., 1962 (Согдийские документы с горы Муг, П). С.87-88; Schaeder H.H.Türkische Namen der Iranier.-Die Welt des Islams(Sonderband).1941.

36. Люшкевич Ф.Д. Термин тат как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье. // СЭ, 1971, № 3.

37. Сухарева О.А. Бухара. XIX - начало XX вв. (Поздний феодальный город и его население). М., 1966. С.113-181; Люшкевич Ф.Д. Этнографические особенности таджикского населения Бухарского оазиса (конец XIX - начало XXвека). Автореф. канд. дисс. Л., 1975 и др.

В.М.Массон

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ И ЭТНОГЕНЕЗ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

В условиях утверждения в советском обществе перестройки и нового мышления всколыхнулось всеобщее внимание к истории, а точнее к исторической правде. К числу острых, а порой и болезненных проблем относятся вопросы происхождения народов, их этногенеза и культурного наследия. Надо признать, что число подлинно научных решений в этой области весьма ограничено и во многом мы не пошли, имея ввиду научные разработки, дальше установочных положений С.П.Толстова и А.Ю.Якубовского. Взамен исследований реалий выдвигаются лозунговые стереотипы. В результате в познавательном багаже образуется лакуна, что затрудняет восприятие гражданской зрелости в среде интеллигенции и общества в целом. Большой ущерб наносит дилетантизм, особенно нетерпимый в такой сложной области как вопросы этногенеза, причем дилетантизм охватывает и лиц, обремененных учеными званиями и степенями. В результате объективные факторы ведут к деформациям, негативные тенденции из гипотетически возможного превращаются в печальную реальность.

Научное исследование предполагает как глубокую работу с источниками, будь то письменные документы или археологические коллекции, так и надежную методологическую базу. Необходимо углублять и разрабатывать исходные теоретические принципы как неразрывный компонент творческого марксизма-ленинизма. Предварительным условием этногенетических исследований является выработка процедуры исследования, выявление информационных возможностей используемых источников. В этой сфере историкам и археологам следует в большей мере использовать соответствующие разработки советских этнографов, представленные в частности в книгах Ю.В.Бромлея (Бромлей, 1973, 1983), особенно важно постоянно иметь в виду исторический, формационный подход, эпохальную изменчивость этносов как этносоциальных организмов. Например, этносоциальные организмы древности и средних веков, при

сохранении определенных эталонов преемственности, в целом представляют собой разные явления, с различными моделями поведения и ценностными ориентациями. Советские исследователи обычно считают, что основной этно-социальной общностью докапиталистических классовых формаций была народность, в которой можно выделить два подтипа – народность рабовладельческой эпохи и народность эпохи феодализма (Бромлей, 1973, с.187-188; 1983, с.275; Токарев, 1964).

Использование методологических принципов советских этнографов особенно важно при этногенетической интерпретации данных археологии, материалы которой, как правило, не содержат прямую этническую информацию, а позволяют выйти на соответствующие реконструкции лишь через посредство блока культуры. Этнонесущий блок культуры включает обиходный язык, обыденное сознание и традиционно-бытовую культуру. Такие его характерные черты как надиндивидуальность и устойчивость могут быть прослежены в образе жизни древних народов, изучаемых средствами археологии. Но в каждом конкретном случае следует путем критики источника выделять устойчивый набор артефактов, играющих в этой ситуации роль своего рода опознавательного знака древнего этносоциального организма. В одном случае это может быть набор украшений, в другом – типы жилищ, в третьем – ряд специфических черт в формах и орнаментации глиняных сосудов и т.д. Как отмечает Ю.В.Бромлей, с развитием процесса стандартизации и унификации материальной культуры появляется тенденция к утрате ею этнической специфики, все более перемещающейся в сферу поведения и духовной культуры (Бромлей, 1983, с.140). Начало этого процесса в значительной мере совпадает с явлениями урбанизации, хотя устойчивое сохранение в быту определенных видов стандартизированной ремесленной продукции также может принадлежать к числу культурных стереотипов, стимулированных этническими особенностями. Решающим рубежом в истории этноса является этническое самосознание, выражающееся в самоназвании, осознании общности в языке, быте и идеологических воззрениях. Последние играли в древности и средние века огромную роль, этнические группы зачастую приобретали этнокон-

фессиональные черты.

Все это определяет важное значение изучения по материалам археологии процессов культурогенеза, что позволяет нам выйти и на решение этногенетических вопросов. При этом существенно обращать внимание и, скажем прямо, пропагандировать исторический опыт, показывающий, что генеральная линия культурогенеза лежит через взаимодействие и взаимообогащение культур как антитезы замкнутости, ограниченности, эгоцентрическим представлениям с негативными стереотипами в оценке других народов.

Обратимся к реальной ситуации, наблюдаемой в древней Средней Азии и Казахстане. Конкретно-исторический подход позволяет вести исследования в терминах, присущих этой древней эпохе, не перенося механически вглубь веков современные этнонимы. Исследование культурогенеза показывает тесную связь культурных и, добавим, этнических процессов с явлениями сложного, диалектического характера. Примитивный, шаблонный эволюционизм, строящий все явления, включая и развитие этноса, по спокойной восходящей, не имеет ничего общего с историческими реалиями. Повсеместно мы наблюдаем в истории скачки, перебои, шаги назад, катастрофы и катаклизмы. Распад, дезинтеграция, исчезновение касается не только культурных общностей, но и целых этносов.

В оседлых оазисах рассматриваемого региона рано проявляются процессы культурной и этнической консолидации. По крайней мере, с I тысячелетия до н.э. в Средней Азии и Казахстане широко распространяются племена, говорящие на языках и диалектах восточно-иранской группы. Лишь язык населения Парфии и, видимо, соседней с ней Гиркании относится к западно-иранской группе, входя наряду с мидийскими диалектами, в северо-западную подгруппу (Оранский, 1963, с.37-38). Авестийская традиция знает названия целого ряда "стран", данных скорее всего по именам расселившихся там племенных групп. Таковы, помимо Хорезма, Моуру-Маргиана, Гиркания, Согдийская Гава и Нисая, названные с четкой иранской этимологией - "место жительства", "поселение". Трудно судить, какого рода общность скрывалась за странами, чьи "названия"

перечислены в Авесте. Возможно, расселившиеся в них группы родственных племен, уже вырабатывали собственные диалекты, которые со временем легли в основу языков среднеиранской языковой эпохи. Обыденное сознание, судя по всему, характеризовалось сохранением верований общеиранского пласта и мифологическими сюжетами и представлениями, восходящими к тому же источнику.

В области массовой культуры культурная общность с материалами типа Яз I в первой трети I тыс. до н.э. представлена в Парфиене, Маргиане, Бактрии и, как показывают последние полевые исследования, в Согде, вплоть до средней Сырдарьи у Ленинабада. Эта археологическая карта в целом соответствует данным о распространении племен восточноиранской языковой группы, за исключением Парфии, которая по данным лингвистики тяготеет к Западу, тогда как культурно резко отличается от археологических комплексов Гиркании и Мидии, имея ввиду и протомидийский период. В сер. I тыс. до н.э. для основных оазисов Средней Азии, исключая Ферганскую долину, показательно значительное культурное единство, характеризуемое керамическими изделиями и строительными приемами. Возможно это явление во многом связано с распространением городского образа жизни, характеризуемого определенными техническими эталонами, но не исключено, что в этом явлении нашло отражение и определенное этническое единство.

Вместе с тем, видимо, шли процессы распада этого исходного единства. Геродот, опираясь на официальную ахеменидскую традицию, в перечне сатраний и воинских формирований упоминает такие народы, как парфяне, хорезмийцы, бактрийцы, согдийцы и саки. (Herodot. Ш, 93, II7; УП 64-66).

Этот список обнаруживает явную преемственность с авестийской географической традицией и, возможно, восходит к самоназваниям народов, утверждающимся в соответствующей среде. Во всяком случае, перед нами явно основные этнические образования, приобретающие наибольшее значение по сравнению с другими племенными группами.

В Ш в. до н.э. - IУ в. н.э. ситуация существенным образом меняется. Во многих областях появляются черты культур-

ного своеобразия, позволяющие говорить об отдельных древних цивилизациях – Парфиене, Маргиане, Бактрии, Согде и Хорезме. Источники сообщают о наличии целого ряда народов со своими собственными языками. Следует заключить, что в это время цел процесс формирования древних народностей, хотя в разных областях он протекал с разной степенью интенсивности. В общегеографическом обзоре Страбона сообщается, что "за Гирканским (Каспийским морем) живут скифы, гирканцы, парфяне, бактрийцы и остальные обитатели областей, лежащих к северу от Индии" (Strabo, П.5,3I). По существу перед нами список важнейших этнических общностей. В дальнейшем Страбон чаще всего пишет о бактрийцах и согдийцах, обычно ставя рядом эти два народа.

Действительно, именно в Бактрии, в первую очередь, сложился ряд предпосылок для этнической консолидации населения этой страны. В значительной мере этому способствовало создание независимого греко-бактрийского государства, отражающего довольно высокую степень территориально-политического единства. Важным событием в этнической истории Бактрии было вторжение кочевых племен, активно ассимилированных высокоразвитой городской культурой. Возникновение и расцвет Кушанского государства, важнейшим центром которого была Бактрия, усилили культурную интеграцию. Вероятно, именно в это время шел активный процесс консолидации этнических единиц, родственных по языку и, в значительной мере, по культуре. Представляется, что имеющиеся данные позволяют с полным правом говорить о сложении Бактрийской народности древней эпохи (Массон, I98I).

В настоящее время достаточно отчетливо выступают характерные черты бактрийского языка, бывшего официальным в северных областях Кушанской державы. Это его положение тоже в немалой степени способствовало процессам этнической консолидации. Исследователи отмечают своеобразие норм бактрийского письменного языка на большой территории (Лившиц, I974). Вторгшиеся в Бактрию кочевые племена, вероятно говорившие на языках восточноиранской группы, в лингвистическом отношении были ассимилированы, оставив в бактрийском языке

единичные заимствования. Для Бактрии устойчивым феноменом является массовая традиционная культура, отличающаяся урбанистическим обликом и в равной степени представленная как в крупных центрах, так и на сельских поселениях. Именно распространение кушанского культурного комплекса позволяет определить границы Бактрии как на правом, так и на левом берегу Амударьи, которые, скорее всего, и были границами расселения бактрийской народности.

Второй крупной этнической общностью древней эпохи была бесспорно парфянская народность. Достижение Парфией политической независимости одновременно с Греко-Бактрией в немалой степени способствовало процессам этнической консолидации. С другой стороны, рыхлость политической структуры парфянской державы ослабляла центростремительные тенденции. Парфянский язык относится к северозападной группе иранских языков. Вместе с тем, в его лексике заметны следы восточноиранского диалекта, племен парнов, захвативших политическое господство (из них происходила правящая династия Аршакидов), но в прочих отношениях ассимилированных населением Парфии. Наряду с официальным греческим языком, по крайней мере с I в. до н.э. все большее распространение получает парфянская письменность, созданная на основе арамейского алфавита. Помимо обширного хозяйственного архива, обнаруженного в Нисе, парфянские надписи встречены в столице Маргианы в древнем Мерве и целом ряде других пунктов, вплоть до крепости Игды-кала на Узбое. Из специфических особенностей материальной культуры отметим отсутствие в Парфии терракотовых фигурок столь типичных для Бактрии и некоторых других областей Средней Азии. Для керамики характерна относительная простота форм, редкость орнаментации, красного ангоба и отсутствие такой специфической формы как бокал. Не вполне ясен вопрос о восточных границах расселения парфян. Страбон называет маргианцев в числе отдельных народов, но в Маргиане была распространена парфянская письменность и, видимо, соответственно и парфянский язык. В культуре Маргианы немало общего с Бактрией, много терракотовых статуэток, встречаются бокалы. Вместе с тем налицо и значительная общность

культуры с собственно Парфией. Можно считать, что здесь выступают локальные особенности в рамках одной этнокультурной общности.

Более сложен вопрос о консолидации согдийцев, которых древние авторы упоминают довольно часто. В Согде, судя по всему, отсутствовали мощные политические образования и мелкие владения чеканили собственную монету. В основу согдийской письменности лег самаркандский диалект, но делались, во всяком случае в пору раннего средневековья, попытки создания особых вариантов письменности для Бухары и Уструшаны. Согдийская письменность, созданная как и парфянская на основе арамейского алфавита, для третьего века до н.э. (Ш в. н.э.) представлена короткими надписями, но уже согдийские письма из Дунхуана, датированные началом IУ в. до н.э., демонстрируют сложившиеся нормы письменного языка. Согд не остался в стороне от движения кочевников, и на его территории имеются курганные могильники с материалами, имеющими широкие засырдарьинские и далее на запад - сарматские аналогии. Особенности материальной культуры древнего Согда в сравнительно-типологическом плане слабо изучены. Для времени до н.э. отмечается значительное своеобразие по сравнению с Бактрией, но затем кушанское влияние возрастает, особенно в южных районах - бассейне Кашкадарьи. По имеющимся данным трудно судить, как далеко зашел в древнюю эпоху процесс формирования согдийской народности. Более ощутимо выступает согдийское единство в У-УП вв., приобретая в определенной мере этноконфессиональные черты.

Весьма специфичной выглядит историко-культурная область в низовьях Амударьи, известная под названием Хорезма. Как отдельная страна Хорезм упоминается уже в ахеменидских надписях У1 века до н.э. Этнической консолидации хорезмийцев наряду с обособленным географическим положением способствовало ранее, видимо, уже в У в. до н.э., приобретение Хорезмом политической независимости, которую он сохранял после похода Александра Македонского. Одновременно Хорезм постоянно испытывал сильное воздействие со стороны кочевого и полукочевого населения, из среды которого, судя по ряду

данных, вышла и одна из правящих династий. Хорезмийский язык занимает особое место, находясь между согдийским и осетинским, с одной стороны, и парфянским с другой. В нем имеется целый слой засвидетельствованных в Авесте и не представленных ни в одном другом языке. Хорезмийская письменность также сложилась очень рано, на основе арамейского алфавита. До времени до н.э. известны лишь короткие надписи на черепках, кости и пахсе. Значительно больше материала дают документы из архива дворца Топрак-кала, датируемые П-Ш вв. н.э. Материальная культура Хорезма характеризуется значительным своеобразием, проявившимся более всего в керамике, где имеется ряд специфических форм - баклаги с художественными рельефами и кувшины с ручкой, венчаемые головой льва. Видимо есть все основания говорить для древней эпохи о хорезмийской народности как об устойчивой этнической группе.

Среди кочевых племен в древнейшую эпоху также шли процессы этнической консолидации, но в связи с мобильностью масс населения они нередко сменялись периодами распада и дезинтеграции. Здесь шли процессы формирования союзов племен, а порой и мощных конфедераций с элементами зарождающейся государственности. Они способствовали усилению межплеменных контактов и были важным фактором, способствовавшим формированию народностей. Однако эти образования представляли собой военно-политические объединения, во многом стимулированные военными мероприятиями как оборонительного, так и наступательного характера. Мы знаем по письменным источникам о сакских объединениях, возглавлявшихся Зариной и Томирис. Археологические материалы ярко рисуют идеологическую политику аристократической верхушки, стремящейся закрепить свое особое положение в обществе сооружением пышных монументальных погребальных комплексов. Во П-I вв. до н.э. важную роль играла Усуньская конфедерация.

Многочисленное кочевое население Средней Азии сер. I тыс. до н.э. именуется саками. Под этим именем оно выступает и в официальных документах ахеменидской канцелярии. Между тем отдельные этнические группы имели свои собственные имена и,

достигая главенствующего положения, передавали их целому племенному союзу. Так Страбон, характеризуя население восточного Прикаспия, пишет: "Племена, живущие восточнее последних, носят название массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя" (Strabo, XI, 8,2). В УІ-У вв. до н.э. большую роль играл массагетский союз, занимавший территорию от восточных берегов Каспия до низовьев Амударьи, и даже Сырдарьи. Некоторые исследователи полагают, что тот же союз выступает в ахеменидских надписях под названием сако-тиграхауда (Литвинский, I972, с.I72). Существует мнение и о том, что саков-тиграхауда следует помещать на Тянь-шане и в Семиречье (Акишев, I963, с.I6-20). Другая группа саков носила название саков-хаумаварга или аморгиев и может быть помещена в относительной близости к оседлым оазисам - видимо в Фергане, Алае и на Памире.

Данные лингвистики свидетельствуют о том, что саки в древности занимали обширную территорию и характеризовались целым рядом локальных диалектов. Один из них, условно называемый сакохотанским, сохранился в Восточном Туркестане вплоть до Х в. Некоторые современные памирские языки, в том числе и ваханский, видимо восходят к диалектам юго-восточной группы саков. Другая группа сакских диалектов, более западная, может быть названа массагетско-дахской и, по мнению некоторых исследователей, по ряду показателей близка скифо-сарматским диалектам Северного Причерноморья и осетинскому языку. Черты локального своеобразия могут быть прослежены и в культуре кочевых племен. Такие различия намечаются в погребальных обрядах и наборах керамических сосудов и есть основания полагать, что их детальный анализ, в сочетании с другими данными, позволит решить некоторые вопросы этнографии древних кочевников. Как бы то ни было, следует считать, что в их среде в древнюю эпоху также шли процессы этнической консолидации, но едва ли можно говорить о сложении устойчивых народностей.

Эти древние народности и группы племен являются предками современных узбеков, таджиков, казахов, киргизов,

туркмен и каракалпаков, а созданные ими культурные ценности составляют золотой фонд регионального культурного наследия. Но процесс трансформации этих древних этно-социальных образований, народностей и племенных групп средневековой эпохи был отнюдь не простым и прямолинейным. Так, в согдийской этно-социальной общности, ярко проявившейся в пору раннего средневековья во всех сферах, включая идеологию, налицо дивергентная трансформация с вхождением в состав двух различных этно-социальных общностей - таджикской и тюркизированного городского населения, для обозначения которого имеется емкий термин "сарт", едва ли удачно подвергнутый остракизму. Наличие этого пласта в присырдарьинских и семиреченских городах уводит нас к процессам формирования компонентов, вошедших в состав киргизского и казахского народов.

В отношении научной стратегии я считаю, что наряду с привлечением новых данных и письменных источников, которые для средних веков весьма обширны, необходимо перестать насиловать скудный конкретный материал догматическими формулировками. В ряде отношений есть смысл сместить акцент с этногенеза, теория и практика подлинно научного изучения которого для средне-азиатскоказахстанского региона едва покинула эмбриональное состояние, и вывести на первый план изучение культурогенеза, трансформации, взаимодействия и взаимообогащения древних культур. Именно по этим процессам скачкообразно увеличивается новая информация, пополняемая блестящими открытиями археологии. Разумеется, как один из выводов культурологических разработок будет ответ на вопросы, какие древние народы создавали те или иные культуры, и предками какого современного населения они являются. Не надо только спешить извлекать из имеющихся источников ту информацию, которая в них заведомо не содержится, или которую мы еще не научились получать путем подлинно научных процедур. Иначе то и дело будут возникать кризисные ситуации, имеющие отчетливую тенденцию перейти из сферы науки в область демагогического политиканства.

В заключении хотелось бы остановиться на еще одном аспекте современного движения исторической науки, когда в

условиях нового мышления и гласности плюралистический подход все более утверждает себя как надежный инструмент научного исследования. У нас имеются и проблемные ситуации, и альтернативная концепция, и своего рода загадки культурогенеза, расогенеза и этногенеза. На две из них хотелось обратить внимание. До открытия бактрийского языка некоторые ученые возлагали особые надежды на бактрийцев, как на лингвистическую предтечу таджикского языкового массива. Теперь совершенно ясно, что бактрийский и таджикский принадлежат к разным группам среди языков иранского круга. Это заставляет еще раз обратить особое внимание на седьмой - десятые века, когда среди оседлого населения происходит резкая лингвистическая трансформация и восточно-иранские языки, в первую очередь согдийский и бактрийский, сменялись западно-иранским и таджикским. На это же время приходится и отчетливая культурно-идеологическая трансформация, ведшая к замене пышной согдийской культуры сухими стандартами мусульманизированных культурных моделей. Это не могло не повлиять на процессы этногенеза и становления новых, средневековых этно-социальных организмов; необходимо углубленное изучение диалектики такого перерыва постепенности.

Вторая проблема связана со становлением брахикефального антропологического типа, расы среднеазиатского междуречья или памиро-ферганской, активно протекавшим именно в древнюю эпоху, когда повсеместно он сменяет более древний долихокефальный пласт восточносредиземноморской расы (Алексеев, 1989, с.322), наряду с факторами перемещения племенных групп и эпохальной изменчивости здесь могли играть роль и социальные воздействия, создавшие в условиях быстрого и широкого распространения урбанизированных культур новую среду обитания, позволившую достаточно плотно заполнить экологические ниши в условиях безусловных демографических сдвигов. Надо только не закрывать глаза на подобные проблемы, а изучать их в ходе представления мнений и товарищеских дискуссий.

1. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
2. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
3. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
5. Литвинский Б.А. Древние кочевники "крыши мира". М., 1972.
6. Лившиц В.А. Кушаны: письменность и язык. // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т.1. М., 1974.
7. Массон В.М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана. ОН Уз., 1981, № 6.
8. Оранский И.М. Иранские языки. М., 1963.
9. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). // Вопросы философии. 1964, № 11.

А.А.Аскаров, Ю.Ф.Буряков
Т.К.Ходжайов

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Материальная и духовная культура народов Средней Азии формировалась в условиях различных хозяйственно-экономических систем, обусловленных оазисным расселением и сложной картиной взаимосвязей земледельческих и скотоводческих племен различных расовых типов, находившихся в длительном развитии. Процесс дифференциации культур и антропологических групп можно четко наметить начиная с эпохи неолита (8–6 тыс. до н.э.). По особенностям материальной культуры выделяются три историко-культурных общности. Так, на юго-западе Средней Азии (в Южной Туркмении) в предгорных районах Копетдага формируется джейтунская культура племен, связанных с начальными этапами орошаемого земледелия [1]. К востоку от них в горной части юга Средней Азии распространяется гиссарская неолитическая культура. Население этой области вело хозяйство смешанного типа, сочетая охоту с зачаточным земледелием, и, возможно, скотоводством [2]. Значительным своеобразием отличается третий северный регион Средней Азии – степной и пустынный, где обитали племена охотников, рыболовов и собирателей, относящихся к кельтеминарской историко-культурной общности [3].

Антропологические материалы этого периода немногочисленны. Они позволяют выделить две группы населения, морфологически различающиеся друг от друга. Носители джейтунской и гиссарской культур , представленные палеоантропологическим материалом из Овадандепе, Чопандепе, Каушута на юге Туркмении и Туткаул в южном Таджикистане, сближаются между собой и могут быть отнесены к средиземноморской расе [4]. Кельтеминарцы, судя по материалам из неолитического могильника Тумек-Кичиджик, включаются в так называемую протоевропейскую расу [5].

Исследование материальной культуры позволяет выдвинуть в качестве может быть не совсем устойчивой "пульсирующей" границы между этими группами бассейн Среднего Заравшана [6]. Судя по единичным черепам из Сазагана под Самаркандом, население этой контактной зоны больше тяготело к южным регионам.

Материальная культура эпохи энеолита наиболее ярко представлена памятниками предгорной полосы Южной Туркмении. Для населения данной зоны характерны прочная оседлость, земледельческий характер экономики на базе искусственного орошения, большая плотность, приводящая к демографическому давлению, вызывающему освоение новых районов, высокий уровень развития материальной культуры, вводящей ее носителей в круг цивилизаций Древнего Востока. В разных пунктах, особенно в Карадепе и Геоксюр-I, вскрыты грунтовые погребения и захоронения в толосах. Палеоантропологический материал из них является ведущим источником для суждений об антропологическом типе населения, которое может быть отнесено в целом к средиземноморской расе [7]. В ее пределах можно выделить два варианта: а) длинноголовые матуризованные высоколицые и б) грацильные среднелицые европеоиды. Причем влияние северных протоевропейских форм здесь не наблюдается.

В более северных районах культура энеолита известна только благодаря работам последних лет на границе Таджикистана и Узбекистана на многослойном поселении в Саразме. Антропологический материал из обнаруженного там погребения дает нам основание отнести его население к тому же средиземноморскому типу, что и выявленный в Южной Туркмении. Это обстоятельство подтверждается и общностью материальной культуры на указанных территориях.

Эпоха бронзы и раннего железа представлена значительным количеством памятников в различных регионах, активно исследующихся в последние годы. Это и многочисленные поселения земледельцев, перерастающие в города, и памятники степной скотоводческой культуры [8]. Однако присущего прошлой эпохе четкого разграничения севера и юга установить не удается, так как материалы степных скотоводческих культур встреча-

ются в южных районах, в то время как земледельцы юга продвигаются в центральные и северные районы, и таким образом намечающиеся этнокультурные связи позволяют говорить об определенных этнических передвижениях. Однако, каких-либо значительных антропологических изменений не наблюдается [9], поскольку выявленные ранее два европеоидных антропологических пласта (на севере протоевропеоиды, средиземноморцы на юге) занимают, в основном, как и прежде, те же территории.

Однако в Ферганской долине, в среднем течении Сырдарьи и в низовьях Амударьи наблюдаются не только импульсы материальной культуры земледельцев юга, но и подкрепляемое антропологическим материалом продвижение сюда представителей южного европеоидного типа. Вместе с тем, по антропологическим данным притока населения с севера в южные среднеазиатские области, за исключением отдельных случаев, в основном не наблюдается, и это обстоятельство как будто входит в противоречие с выводами, сделанными на основе изучения материальной культуры. Лишь недавно, благодаря исследованиям Т.Потемкиной и А.Исакова в Дашти-Кози, где обнаружены черепа андроновского типа, достаточно четко засвидетельствовано проникновение его представителей в центральные районы Согда [10]. Отдельные вкрапления представителей протоевропеоидного типа зафиксированы также в более южных районах при раскопках погребений в Тахирбай-3, Караэлематасай и Патмасай в Туркмении. Однако в основном даже в контактной зоне - долине Заравшана (Муминабад, Чакка, Заман-баба) - при господстве материальной культуры и погребального обряда, характерных для андроновской культуры, мы констатируем южный антропологический тип.

Средиземноморская раса охватывает обширную территорию от Восточного Средиземноморья до Центральной Азии, и обобщенная характеристика ее малоэффективна. Необходим тщательный анализ дифференциации этой обширной расы и только так можно выявить динамику миграций или связей этнических групп этой расы. Предварительная работа проводилась М.Каппиери, выделившим 6 групп средиземноморцев. Однако Средняя Азия рассмотрена им очень схематично, суммарно обобщены мате-

риалы, отнесенные к единой группе. Анализ морфологических признаков, проведенный одним из авторов, позволяет только на юге Средней Азии выделить не менее трех вариантов средиземноморской расы. Первый известен еще для энеолитического населения Прикопетдагской полосы и Центрального Ирана, второй - для населения Сапаллинской, Вахшской, Заманбабинской, Намазгинской и Тюриенго-Гиссарской культур. Третий стоит особняком и характеризует главным образом население Бишкентской культуры. Добавим к этому четвертый европеоидный вариант андроновский, известный в степной полосе на севере Средней Азии и представленный памятниками андроновско-тазабагябской и кайраккумской культур [11].

Палеоантропологических материалов, характеризующих раннежелезный век, мало, но имеющиеся немногочисленные сведения позволяют считать, что кардинальных изменений в этот период в антропологическом составе не произошло. Матуризованный тип продолжает преобладать в северных степных районах, грацильные формы - на юге Средней Азии. В то же время с середины I тыс. до н.э. отмечается внедрение сюда новых этнических групп с монголоидной примесью. Они выявлены при раскопках курганных захоронений в могильниках Калкансой, Учтут, Шадыбек Кенимехского района Бухарской области, в районе юго-западного Приаралья (Тумеккичиджик, Султануиздаг), на плато Устюрт (Каракудук и Мыс Безымянный), в юго-восточном Приаралье (Тагискен и др.), на Крановодском полуострове в Туркмении (Гёкдаг-II) и на Тяньшане и Алае [12].

Прослеженные на отдельных антропологических сериях типы отмечаются в виде островков среди преобладающего европеоидного населения и концентрируются в трех областях - на Тяньшань-Алае, в низовьях Заравшана и в Приаралье.

Исследователи северных и восточных степных кочевых культур отмечают начавшийся с середины I тыс. до н.э. большой демографический подъем, своего рода взрыв, который приводит к столкновениям, связанным с перераспределением пастбищных земель, увеличением подвижности населения, продвижением кочевников в оазисы. Письменные источники фиксируют его с конца III в. до н.э. - это в первую очередь,

столкновения хуннов и юечжей. Юечжи, данниками которых были хунны, во время столкновений в первой трети II в. до н.э. потерпели поражение и откочевали на запад. Часть их (малые юечжи) остались среди усуней, но основная группа – большие юечжи-ушла в бассейн Сырдарьи на земли саков и, оттеснив их на юг, продвинулась в верховья Амударьи (результатом чего был разгром Греко-Бактрии и образование пяти княжеств) и в бассейн Зарафшана. По археологическим данным наблюдается активизация сарматов и их движение в оазисы. Этот сложный процесс характеризуется значительными изменениями материальной культуры и политической ситуации. На нижней Сырдарье отмечается прекращение Чирикрабатской культуры. Близко к этому времени по соседству расцветает скотоводческо-земледельческая джетыасарская культура, а южнее ее – отрарско-каратауская и каунчинская [13]. Последняя в различных вариантах распространяется в виде нескольких волн до северной Ферганы (Кайрагачтепа) и на юго-запад, вплоть до Южного, Центрального и Западного Согда (Хантепе в Усрушане, сельские усадьбы и замки Нахшеба, поселения Тусунсая, Афрасиаб, Кызылкир, Рамиш) [14]. Археологический комплекс каунчинцев имеет связи, с одной стороны, с джетыасарской культурой, с другой – с сакоусуньской культурой Восточного Тяньшаня. Большой интерес в связи с последней представляют раскопки последних лет (особенно 1988 года) в адырной зоне близ Ташкента, где получен комплекс каунчинской керамики, сближающейся по формам с сакоусуньской. Архитектура же этих памятников показывает генетические связи с джетыасарской и Чирикрабатской культурой, что может свидетельствовать в пользу непосредственного участия местного населения в формировании джетыасарской и каунчинской культур. Политически это выражается в формировании в северных и восточных районах Средней Азии и Казахстана государственных объединений усуней и Кангюя.

Как эти изменения этнической ситуации отразились на антропологическом материале?

В Согде, Северной Бактрии и Восточном Прикаспии исследованиями выявлены новые, ранее неизвестные группы племен,

применявших лобно-затылочную деформацию, которая является довольно четким этническим признаком. Это курганы Орлата, Сирлибая, Каттакурганского водохранилища, городище Еркурган, Дальверзинтепе, Термез, поздний Тулхар, Тепаишах, Кыршылыккир [15]. Картирование по этому признаку показало, что наиболее древние племена, практиковавшие лобно-затылочную деформацию, проживали в районе юго-восточного Приаралья. Затем одна волна их продвигается в район Красноводского полуострова, другая – в юго-восточном направлении, через центральные Кызылкумы (Джузкудук и Калькудук) в Согд и в Северную Бактрию. Однако, судя по курганным захоронениям древнебухарского Согда и Аруктау в Бактрии, в то же время в этих регионах обитали племена, морфологически отличавшиеся от описанных отсутствием указанной деформации и более европеоидным обликом. Аналогичные группы выявлены при раскопках в области среднего течения Сырдарьи и в Ферганской долине. Они ближе всего могут быть сопоставлены с населением Алайской долины. Таким образом, археологические источники и антропологические материалы, коррелируя друг с другом, могут свидетельствовать о движении двух больших групп – с востока через Алай, Фергану, Среднюю Сырдарью на Согд и Бактрию (этот путь обычно связывается с движением юечжей) и с севера, из Приаралья, в те же районы и в восточный Прикаспий (это направление может быть сопоставлено с движением сарматов).

Следует подчеркнуть, что в этих движениях (происходивших, видимо, с большими временными интервалами) принял участие крупный конгломерат этнических групп. Однако состояние источников не позволяет пока четко датировать время проникновения или смены населения в описываемых районах. В то же время в северных степных районах (в Приаралье, на среднем и верхнем течении Сырдарьи) довольно значительный удельный вес имеют в это время южные европеоиды, что свидетельствует о дальнейшем расселении, возможно, шедших по Великому шелковому пути земледельческих племен юга Средней Азии на север (Хорезмский и Ташкентский оазисы, Ферганская долина). Таким образом, в эпоху античности древняя демографическая ситуация нарушается и наблюдается пестрая этническая и антро-

пологическая картина, особенно в городской среде населения.

В период раннего средневековья по сравнению с предшествующим этапом экономические и культурные связи земледельцев и скотоводов активизируются. Средняя Азия во второй половине УІ в. входит в состав тюркского каганата, затем в его западное объединение. Судя по письменным источникам, это сопровождается более глубоким внедрением кочевников в городскую и сельскую земледельческую среду. Так, памятники тюркской письменности встречаются в материалах поселений и погребений Ферганы. О Чаче известно, что после неудачного восстания жителей в 605 г. тюркский наместник стал управлять этим владением, а на Средней Сырдарье был поставлен малый каган Тюркского государства. Поэтому не случайно появление в данном регионе городов Абрулыг, Намудлыг и селений – Сайлык, Чумайлык с тюркскими названиями. В Согде, наряду с преобладающим ираноязычным согдийским населением, жили компактные группы тюркского населения. Характерно письмо Девештича, в котором сообщается о получении им от кагана "высокого чина и почета", права на управление владением Панча, на престоле которого до этого 15 лет был тюрок. В письме сообщается о прибытии "много войска и тюрок и китайцев" [16]. Анализ источников С.И.Смирновой показал, что в начале УШ в. маликом Фая (в Согде) был Тюрк-хакан, а маликом Хузаре (в Кеше) тюрк Субугра. Она предполагает, что широко распространенный в это время и в документах и на монетах термин "малик" предпочтительнее относить к тюркской знати, а "дихкан" – к согдийской [17]. Но и те, и другие назывались "азимами дихкан", "главами дихкан", т.е. это высшая знать, что свидетельствует об определенной интеграции ираноязычной и тюркоязычной верхушки.

Материальная культура также свидетельствует об интенсивной этнокультурной интеграции в среднеазиатском междуречье. Черты значительной близости обретают планировка и фортификация городов, замков и сельских усадеб, в качестве унифицированного строительного материала распространяются крупноблочная пахса и крупный прямоугольный кирпич единого стандарта, в фортификационных сооружениях боевые галереи

с бойницами заменяются монументальными стенами на стилобатах с защитой из-за парапета, происходит унификация оборонительного и наступательного оружия на основе тюркского воинского доспеха и вооружения, в городах и степных районах формируются близкие формы бытовой и парадной керамики, эталоном которой являлся согдийский комплекс; однако в последнем случае следует учесть и влияние скотоводческого населения (культура каунчи).

Складывается тесная система торгово-экономических связей как на внутренних, так и транзитных караванных путях, особенно по Великому шелковому пути, ведущую роль на котором играли согдийцы. Эти связи способствовали экономическому и культурному обмену. Как показали исследования в Южном Казахстане и Семиречье, именно в это время происходит активный процесс урбанизации в этих кочевых районах [18]. В городах широко распространяются монеты соседних владений [19]. Все это свидетельствует об активном процессе интеграции и значительной роли в этом процессе населения тюркской кочевой степи.

По антропологическим данным отмечаются следующие существенные моменты. Известное для античности и более ранних этапов истории Средней Азии значительное расхождение уровня монголоидности городского и сельского населения в это время резко сокращается, что может быть дополнительным доказательством взаимопроникновения городского и земледельческого населения и кочевников. Изменяется сам характер взаимодействия пришлого и местного населения: если в период античности кочевые элементы проникали главным образом в городскую среду, то в этот период отмечено их активное внедрение и в сельскую. Бытующее в науке мнение о параллельности процессов тюркизации по языку и монголизации по типу населения на новом большом материале не подтверждается. Так, выше мы отмечали (по письменным источникам) наличие значительной прослойки тюркского населения в Согде, Чаче, Фергане и Хорезме. Антропологический же состав населения этих регионов сколько-нибудь значительно не изменился [20].

В связи с изучением крупнейших городов – Мерва на юге Туркмении, Афрасиаба, Пайкенда в Согде, Ахсикета, Папа в

Фергане, Термеза в Тохаристане, Бинкета, Харашкета, Бенакета в Чаче и т.д. - получен большой новый материал, характеризующий эпоху IX - начала XIII вв. н.э. Этот интересный материал дает возможность судить о больших изменениях в материальной культуре населения саманидо-караханидской поры. Новые данные о динамике перехода власти и генеалогии караханидов получены благодаря исследованию караханидской нумизматики, учитывающей более 170 кладов. Прослежены новые линии караванных путей, помимо известных по сообщениям восточных географов.

Все эти сведения (в первую очередь антропологические) фиксируют продвижение массива племен с северо-востока, причем анализ антропологических данных позволяет говорить о нескольких волнах движения, шедших из разных точек. Так, например, Чартакский могильник в Северной Фергане, Ханяйлов в Восточной Уструшане, Кулагайтепе в Самаркандской области, Алтынтепе, Сигиртепе в Кашкадарье, Султанкала в Мерве свидетельствуют о движении одной большой волны населения, имевшего смешанный европеоидно-монголоидный облик [21].

В Южном же Таджикистане открыты погребения с чертами центральноазиатского типа. Это свидетельство волны, видимо, шедшей из Казахстана через Устюрт в Хорезмский оазис и далее в южные и юго-западные районы Туркмении. Центральный путь продвижения, вероятно, совпадал с основным караванным путем, проходившим через Семиречье, Южный Казахстан, Чач, Заамин, Джизак, Самарканд. На территории Узбекистана по его трассе расположены Наукаттепе и Таукаттепе в Чаче, Дурмантепе в Согде.

В то же время археологически выделяется другой, второстепенный путь, который шел из Чача на запад, севернее, - через городище Утурлытепе, караван-сарай Кальтепе, перевал в Зерабулакских горах на Сагарджу, Чилек и через горы в Бухару, минуя Самарканд.

Антропологический материал из могильников, расположенных на этом пути, раскрывает постепенное нарастание монголоидности населения с востока на запад. Это явление прослеживается по могильникам на Кальтепе в Сагардже. Напротив, исследование могильника Утурлытепе рисует картину обратного движения городского населения из Чача и Согда вглубь степных районов в связи с организацией торговых факторий, перерастающих в города.

В целом указанные передвижения караханидской эпохи сыграли очень важную роль в формировании этнического облика жителей Средней Азии. Они изменили состав населения значительно больше, чем последующее монгольское завоевание.

Более подробно письменные источники сообщают о вторжениях и передвижениях в Мавераннахр больших групп дашткипчакских узбеков в XУI-XУII вв. Кроме того, сейчас мы имеем материалы обследования более 20 этнотерриториальных групп узбеков как городского, сельского, так и полуоседлого населения Бухарского и Самаркандского районов, Ферганы, Коканда, Андижана, Хорезма, Иштыхана, Нураты, Кашкадарьи. Эти материалы, подтверждая факт активных передвижений, в то же время позволяют констатировать, что последние влияли на изменение этнической структуры населения как сельских местностей, так и городов, включая такие крупные центры как Бухара, Ташкент, Андижан, Коканд, Наманган, Самарканд и его округа.

Таким образом, рассматривая этническую историю Средней Азии на протяжении 2,5 тыс. лет, можно отметить несколько этапов этнокультурных контактов населения: вплоть до раннего средневековья кочевнические племена оказывают влияние на развитие городских центров и крупных укрепленных поселений; в период раннего и развитого средневековья - в основном на сельские районы; лишь в контактных зонах, видимо, этот процесс охватывал и города (об этом свидетельствуют топонимические данные и объекты материальной культуры Средней Сырдарьи). В период позднего средневековья вновь наблюдается активное внедрение кочевников не только в сельские, но и в городские центры.

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что этногенез и этническая история должны разрабатываться комплексно. Мы постарались привести некоторые новые данные и археологические и антропологические материалы, подтверждающие или

опровергающие ранее выдвигавшиеся положения. Однако, сегодня, как никогда, чувствуется необходимость более широкого специализированного углубленного исследования этих источников, и привлечения в еще большей мере данных письменных источников, исторических, филологических и этнографических сведений. Только комплексные коллективные исследования создадут объективную базу для разработки этой сложной проблемы.

I. Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). // МИА. № 180. Л., 1971.

2. Ранов В.А. Археологи на крыше мира. Душанбе, 1967.

3. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

4. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

5. Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. М., 1986.

6. Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А.А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.

7. Хлопин И.Н. Энеолит Южных областей Средней Азии. Свод археологических исследований. 1963. Вып. 6З8.2.1; Он же. Геоксюрская группа последней эпохи энеолита. М.-Л., 1964.

8. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. // МИА. № 3. 1959; Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Южного Узбекистана. Ташкент, 1977; Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.

9. Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. дисс... док. ист. наук. М., 1981.

10. Джуракулов М.Дж., Ходжайов Т.К. Древнейшее, древнее и средневековое население Зарафшанской долины. Самарканд, 1987; Исаков А.И., Потемкина Т.М. Раскопки могильника Дашти-Кози // Археологические открытия 1986 года. М., 1988.

11. Ходжайов Т.К. К антропологии кочевого поселения античного Зарафшана // Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 11; Ходжайов Т.К., Джуракулов М.Д. Антропология Средней Азии. Самарканд, 1984.

12. Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии...

13. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. М., 1971; Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития

городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

14. Буряков Ю.Ф., Грицина Л.А., Пардаев М.Х., Тимохин М.Р. Работы Чач-Уструшанской экспедиции // Археологические открытия 1986 года. М., 1988; Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (Ш-УП вв.). Ташкент, 1977; Ураков Б. Культура Бухарского оазиса второй половины I тыс. до н.э. и первой половины I тыс. н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 1982.

15. Ходжайов Т.К. К антропологии кочевого населения...; Он же. К проблеме этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. // Общественные науки в Узбекистане. 1988. № 2.

16. Лившиц В.А. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии. М., 1962.

17. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970.

18. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Узбекистана и Семиречья (УI - нач. XII вв.). Алма-Ата, 1986.

19. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.

20. Ходжайов Т.К. Ареалы формирования антропологических типов и их динамика (неолит - начало XX в.) // Сов. этнография. 1983. № 3; Он же. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.

21. Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (антропологические исследования). Ташкент, 1987.

М.С.Асимов

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Известно, что среди многих факторов, определяющих этногенез того или иного народа, особая роль принадлежит языку и культуре. Язык, как подчеркивает академик Ю.В.Бромлей, выступает как одно из важнейших объективных свойств этноса, а также как символ этнической принадлежности. Язык является либо условием формирования народа, либо итогом этногенеза. В большинстве случаев тем и другим одновременно. Язык и культура имеют важнейшее значение для устойчивого функционирования этноса [1].

Народы Средней Азии с давних времен жили в близком соседстве. Для них характерна общность многих черт материальной и духовной культуры, образа жизни. Немаловажную роль в этом сыграл ислам, господствовавший в регионе в течение многих веков. На различных этапах истории процесс этногенеза этих народов, в особенности таджиков и узбеков, шел в тесном взаимодействии и взаимовлиянии. Тем не менее каждый народ имеет свою этническую историю, не совпадающую с историей других народов. Нельзя размывать временные и пространственные границы этногенеза народов региона, как бы ни были переплетены их исторические судьбы. Язык и культура народа, как было сказано выше, являются объективными критериями, определяющими время формирования и ареал распространения этноса.

Известно, что окончательное формирование таджикского народа относится к эпохе Саманидов (X век). К этому времени, наряду с наукой и культурой вообще, блестящее развитие получила художественная литература, известная под названием персидско-таджикской. Когда и где формировалась эта литература, какой народ был первоначальным носителем языка, на котором создана эта литература? Хотя эти вопросы получили достаточное освещение в отечественной и зарубежной исто-

рической литературе, их часто обходят при рассмотрении этнической истории народов Средней Азии. В этой связи, опираясь на доступные нам источники, вновь напомним о них, чтобы внести ясность в рассматриваемый нами вопрос.

Анализируя литературный процесс эпохи саманидов, крупнейший знаток персидско-таджикской литературы Е.Э.Бертельс писал: "Совершенно очевидно, что подготовительная работа должна была идти уже в IX в., в противном случае было бы невозможно добиться такой исключительной законченности и такой отделки стихов, которую мы находим почти во всех сохранившихся от этого времени отрывках" [2]. Добавим к сказанному, что и народ - носитель языка и творец этой культуры должен был к этому времени завершить свое формирование, чтобы выдвинуть из своей среды такую плеяду блестящих умов, как Рудаки, Авиценна, Фирдауси, "творчество которого, - как отмечает Е.Э.Бертельс, - должно быть также отнесено к саманидскому кругу" [3].

В литературном движении при Саманидах принимали участие не только поэты и писатели Бухары и Самарканда, но и других городов Мавераннахра и Хорасана, таких как Термез (Абул Фазл и др.), Мерв (Кисаи - автор поэмы "Офарин-наме"), Балх (Абу Шукур, Шахиди Балхи и др.). В эту эпоху помимо поэзии, были заложены основы научной прозы. Балами в "Тарихи Табари" дал первый образец исторической хроники.

Энциклопедия "Даниш-наме" Абуали ибн Сино содержит свод основных отраслей знаний на родном языке ее автора, разработку научной терминологии этого языка.

Абу Райхан Беруни в "Ат-тахфиме" популярно изложил основы географии, астрономии и астрологии. Немного позже Исмаил Джурджани создал на языке фарси-дари медицинскую энциклопедию "Захираи Хоразмшахи". Можно упомянуть "Навруз Наме" Умара Хайяма, "Сафар наме", "Зод-ал-мусофири" - Джаме-ул Хикматайн - Носира Хисрау и многих других авторов.

Обратимся теперь к истокам формирования языка фарси-дари, первоначальным носителем которого были таджики.

Как утверждают языковеды, в основу языка фарси-дари легли диалекты Систана, Хорасана и Мавераннахра. "Когда в IX-

X вв. в восточной части арабского халифата, в Хорасане, Систане, Мавераннахре сложились фактически независимые от халифата государственные образования во главе с местными династиями, здесь создались благоприятные условия для развития письменной литературы на персидском (новоперсидском) языке, бывшем к этому времени уже родным языком большинства населения этих обширных провинций" [4]. (Подчеркнуто нами – М.А.).

Разумеется, язык фарси-дари не сразу стал письменным. Потребовались многие века становления этого языка как разговорного языка определенного этноса, т.е. таджиков. Известная легенда гласит, что Бахрам Гур (У в.) знал много языков. С воинами он разговаривал на тюркском, во время хоккейной игры – на пехлеви, во дворце и с народом – на дари.

Ибн Мукаффа (Рузбех) – крупный представитель шуубитской партии, переводчик множества книг, в том числе "Калилы и Димны" с пехлеви на арабский язык, писал, что "Дари – язык жителей Хорасана. Язык Балха является более совершенным" [5].

Воизи Балхи в своей книге "Фазоили Балх" приводит высказывание Наср Ибн Шамила из Мерва (8–9 вв.) о том, что "Фарси-дари – язык жителей Балха". Это подтверждают Хамза Исфагани, Якут и др.

Не случайно Балх, наряду с Бухарой, Самаркандом и Ходжентом, в средние века служил признанным центром таджикской культуры. Народный таджикский стих (первый из зафиксированных) также был сочинен жителями Балха по случаю поражения арабского полководца Асада ибн Абдуллаха от жителей Хутталяна.

Аз Хутталон омадия,
Бару табох, омадия.
Обор боз омадия,
Хушанг назор омадия.
Из Хутталяна ты пришел,
С опозоренным лицом пришел.
Сокрушенным обратно пришел.
Израненным, измученным пришел.

Как утверждает И.М.Оранский, сам характер песенки не оставляет сомнений в том, что она вышла из народной среды и имела широкое распространение среди населения. Таким образом подтверждается, что уже в начале XП в. живым разговорным языком населения Хутталяна и Балха был фарси (таджикский).

Из Мерва, Балха и других административных, экономических и культурных центров Хорасана распространялся персидский (таджикский) язык и на территории Мавераннахра, скрещиваясь в течение многих столетий с местными восточно-иранскими диалектами [6].

Уже в УI веке надо думать пропаганда манихейства в Мавераннахре велась на фарси-дари. Этот период был по существу периодом постепенного формирования таджикского народа. Ибо, как пишет академик Б.Г.Гафуров, "еще задолго до арабского проникновения в Среднюю Азию на основе усиления экономических и культурных связей между отдельными районами и государственными образованиями Средней Азии, роста городской жизни в условиях развития феодальных отношений явственно наметилась тенденция к соединению и слиянию некоторых, преимущественно оседлых, среднеазиатских народностей, в один народ" [7].

Этническими компонентами таджикского этноса были согдийцы, бактрийцы, тохары, ферганцы, хорасанцы, а также ряд сакских племен, обитавших в древности на просторах среднеазиатских степей и в районах припамирья, Памира и окружающих Фергану хребтов [8].

В последние годы господства Сасанидов в Хорасане, хотя письменным (официальным) языком оставался пехлеви, языком народных масс уже был фарси-дари. Вот почему прерванные арабским нашествием культурные традиции иранских народов возродились не на официальном языке династии сасанидов – пехлеви (средне-персидском), а на фарси-дари (новоперсидском). Опорой языка пехлеви были зороастрийцы и Сасанидское государство. Арабское завоевание и распространение ислама разрушили эти опоры. Язык фарси-дари получил простор для быстрого распространения. Правда, в первые века араб-

ского господства официальным языком делопроизводства и культуры был объявлен арабский, но в процессе консолидации таджиков в борьбе против военно-политического господства арабов стала возрастать роль языка фарси не только как средства общения, но и как средства духовного самовыражения народа. Этот язык стал постепенно вытеснять арабский и при саманидах приобрел статус общегосударственного языка.

В связи с историей возникновения и распространения языка фарси-дари нельзя не упомянуть об одном, все еще бытующем заблуждении. Приходится встречаться с убеждением о том, что язык фарси, якобы, перенесен в Среднюю Азию, Хорасан и Северный Афганистан выходцами из Персии. Это заблуждение стало в последнее время поводом для фальсификации истории формирования таджиков. Да, язык фарси имеет родственные генетические связи с древнеиранским и среднеперсидским языками, но абсолютно нелепо утверждать, что этот язык в готовом виде перенесен кем-то из южных районов Ирана, тогда как процесс становления этого языка как языка определенного этноса, а именно таджиков, занял не одно столетие; не говоря уже о превращении этого языка в язык развитой культуры.

О широком распространении языка фарси-дари в Систане, Хорасане и Мавераннахре свидетельствуют арабские источники УШ-IX вв. В произведениях арабских поэтов и писателей этого периода наблюдается заимствование слов из языка дари.

Турецкий исследователь Рамазан Шешен в статье "Фарси-язычная лексика в трудах Джахиза" [9] насчитал немало таджикских слов и выражений в произведениях арабского поэта Джахиза (умер в 225 году хиджры), в том числе: зиндагӣ – жизнь, мастӣ – пьянство, ҷуфт – пара, гурӯҳ – группа, биҳишт – рай, абр – облако и др.

В произведениях известного арабского поэта Абунавваса (УШ в.) насчитывается более 200 слов, заимствованных из языка дари.

Уже в 7-8 вв. арабские языковеды сравнивали язык дари с арабским и отмечали звуковые различия.

Как свидетельствуют исторические хроники, жители Бухары во времена арабского завоевания, наряду с согдийским, гово-

рили на дари.

О широком распространении дари в Самарканде и в его окрестностях говорит тот факт, что первый таджикский поэт, стихи которого дошли до нас, – Абу Хафз Сугди (УШ в.) – был родом из Самарканда.

Оҳуи кӯҳи дар дашт чигуна давадо.
Чун надорад ёр, бе ёр чигуна равадо!

Только в родной языковой среде мог появиться такой гений, как Рудаки.

Таким образом, как утверждает И.М.Оранский, "Основным языком населения Хорасана, Систана, Бактрии, крупных центров Мавераннахра был в этот период (т.е. в IX в.) уже персидский (таджикский). И когда в ходе борьбы с халифатом за независимость здесь сложились сильные государственные образования во главе с местными династиями Сафаридов (873-903) и Саманидов (875-999), персидский (таджикский) язык самой жизнью был выдвинут на роль языка государственного и литературного" [10].

Следовательно, язык фарси-дари, или как еще принято называть, классический персидско-таджикский язык, явился условием формирования и консолидации и в последующем выживания таджикского народа, несмотря на массированные удары судьбы в течение многих столетий.

Этот бесспорный факт подтверждается многочисленными высказываниями историков и лингвистов как средневековья, так и современных. Сошлемся на некоторые из них:

Асади Туси в "Луғати фурс" (1065-1066 гг.) пишет: "Фарси – язык жителей Балха, Мавераннахра и Хорасана". Он отмечает своеобразную лексику поэтов Мавераннахра, непонятную для жителей Западного Ирана.

В первые века распространения таджикско-персидской литературы в западном и центральном Иране население все еще говорило на местных диалектах. Носир Хусрау свидетельствует, что некоторые поэты, писавшие хорошие стихи на дари, не могли свободно говорить на этом языке. Даже после принятия языка дари всеми слоями населения сохранились различия в лексике и в фонетике. Так, например, жители центрального и южного Ирана не произносят звук " Р ". Им непонятно таджикское

слово "нағз" (хорошо), часто встречающееся в произведениях классиков таджикско-персидской литературы.

Садриддин Айни, проводя тщательный анализ лексики "Шахнаме" Фирдауси, указывает на народные таджикские истоки языка этого бессмертного эпоса. В "Шахнаме" мы встречаем огромное количество слов, непонятных для современных иранцев, но бытующих в современном таджикском языке. В известной мере это относится и к лексике стихов Саади, Хафиза и др. поэтов, живших далеко за пределами Мавераннахра.

Е.Э.Бертельс, имея в виду знаменитый литературный памятник XI в. "Кабус-наме", писал: "Язык, на котором написана книга, не был в то время литературным языком Ирана, а обслуживал почти исключительно саманидские владения, в основной массе населенные таджиками. Это язык Рудаки и Фирдауси" [II].

Известный иранский ученый и поэт Малик-уш Шуаро Бахор в своей монографии "Сабкшиноси" неоднократно указывает, что язык фарси-дари - язык жителей Мавераннахра (Самарканда, Бухары), где живут таджики. На то, что родиной языка фарси-дари и художественной литературы на этом языке является регион, населенный таджиками, указывали видные иранские ученые Саид Нафиси, Хонлари и многие другие. Так, например, Мухаммад Мухит Табатобохи в журнале "Вахид" № 4 (1969 г.) писал, что "Язык фарси-дари возник в бассейне Амударьи. Здесь были заложены основы тысячедвухсотлетней литературы Ирана, современного Афганистана и Таджикистана". Можно было бы привести аналогичные высказывания западноевропейских ученых, таких как Ян Рыпка, Г.Лазар и др.

С конца X - начала XI в. усиливается процесс тюркизации оседлого населения Средней Азии. Этот процесс был связан с нашествием тюркских племен, объединенных под властью различных династий (Караханиды, Сельджукиды, Шейбаниды). Значительная часть таджиков, переходя на тюркские языки, вливалась в состав узбекского и туркменского этносов. Как свидетельствуют источники, "в средние века таджикская речь была распространена в Средней Азии значительно шире, нежели в настоящее время. Это относится и к Фергане, и к бассейну реки Чирчик (район Ташкента), и к долинам Зеравшана,

Кашкадарьи, Сурхан-Дарьи, и ко многим другим районам Средней Азии... Еще в XУ веке таджикская речь преобладала в Маргелане, вплоть до конца XУШ в. в Мерве, до начала XX в. - в Бухаре" [I2].

Таджикско-персидская литература оказала сильное влияние на развитие художественной литературы тюркоязычных народов, стала неотъемлемой частью их духовной культуры. В свою очередь, таджики осваивали плоды духовной культуры тюркоязычных народов, особенно узбеков. Начиная с XУI века, весьма распространенным становится таджикско-узбекское двуязычие. Алишер Навои в своем труде "Маджалис-ан нафаис" упоминает 305 поэтов, из которых 274 писали только на таджикском, а 3I были двуязычными, писали на таджикском и узбекском языках.

Взаимодействие, взаимопонимание, взаимопроникновение в историческом процессе этногенеза народов Средней Азии прослеживается во многих других аспектах их материальной и духовной культуры: музыке, живописи, архитектуре, а также в их образе жизни, обычаях, обрядах. Все это составляет предмет дальнейших совместных исследований.

I. См.: Ю.В.Бромлей. Этнонациональные процессы. Теория, история, современность. М., I987. С.I2.

2. Е.Э.Бертельс. Избранные труды. М., I988. С.268.

3. Там же. С.272.

4. И.М.Оранский. Введение в иранскую филологию. М., I960. С.27.

5. Цитируется по Ибн Надиму. Ал-фихраст. Т.I. С.I3.

6. См.: И.М.Оранский. Введение в иранскую филологию. М., I960. С.232.

7. Б.Г.Гафуров. Таджики. М., I972. С.37I.

8. См.: История таджикского народа. Т.П. Кн.I. М., I964. С.2I9-220.

9. См.: Шаркият Маджмуаси. УП. I972. С.I37-I8I.

I0. См.: История таджикского народа. Т.I. М., I963. С.439.

II. Бертельс Е.Э. Послесловие к кн. "Кабуснаме". М., I953. С.2I3-2I4.

I2. См.: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., I979. С.48.

Н.А.Баскаков

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Народы Средней Азии и Казахстана к моменту Великой Октябрьской социалистической революции находились на различных уровнях развития своих общественных отношений, что обуславливало различный уровень их культуры и различные, специфические для каждого народа, особенности их языков. Среди языков народов Средней Азии и Казахстана уже к моменту Октября не было племенных языков, которые существовали еще к тому времени, например в Сибири. Но некоторые из среднеазиатских языков, например туркменский, носил еще следы племенной филиации на несколько, значительно отличающихся между собой, племенных диалектов (текинского, гёкленского, салырского, йомудского, чаудорского, сарыкского, эрсаринского и многих других), правда уже консолидировавшихся и сложившихся в общий язык туркменской народности. В меньшей степени, но сохранилась племенная филиация диалектов узбекской народности, сложившаяся из трех основных племенных компонентов: карлуков, огузов и кыпчаков, племенные языки которых зафиксированы в известном словаре Махмуда Кашгарского, относящемся к XI веку н.э. Структура узбекского языка, равно как и ближайшего к нему языка с карлукской основой – уйгурского, усложнялась еще наличием перегруппировки диалектов в эпоху феодального уклада, когда в связи с концентрацией населения представителей различных племен вокруг крупных городских центров, образовались городские диалекты и говоры: ташкентский, бухарский, самаркандский, ферганский, хорезмский и др. для узбекского языка и кашгарский, яркендский, турфанский, хотанский и др. – для новоуйгурского языка, потерявшего уже окончательно членение диалектов на племенные группы. Несколько иной характер носили языки: казахский, каракалпакский и киргизский. Образовавшись из единообразной этнической основы кыпчаков, казахи и каракалпаки не имели значительных расхождений по диалектам не только в своих языках, но и между собой. Они

сохранили свое некоторое единообразие и слабое расчленение на диалекты и говоры и в современном своем состоянии, хотя пережитки родоплеменной структуры этих народов сохранились в большей степени, чем у узбеков. То же следует сказать о киргизском языке, структура диалектов которого весьма слабо отражает их отношение к старым племенным языкам, но усложнена наличием пограничных смешанных диалектов южной их группы. Единообразию этих языков способствовали также и экономические условия развития казахского, каракалпакского и киргизского народов, занимавшихся в основном кочевым скотоводческим хозяйством.

Исторические этапы развития и формирования всех тюркских языков характеризуются прежде всего следующими основными этапами: I. Алтайской эпохой консолидации и выделения всех тюркских народов из языков в составе алтайской семьи, состоявшей из тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейских и японских этносов. II. Хуннской эпохи (до V в. н.э.), характеризующейся образованием крупных тюркских родоплеменных объединений на юге и севере, а затем на востоке и западе; III. Древнетюркской эпохой (VI–IX в.) с дальнейшей дифференциацией родоплеменных союзов на булгарский, кыпчакский, огузский, карлукский, уйгурский и киргизо-кыпчакский;
IV. Среднетюркской эпохой (IX–XV в.) с двумя периодами: домонгольским (IX–XII в.) – формирования литературного уйгурокарлукского языка XI–XII в. и послемонгольским (XIII–XV в.) – формирования в Средней же Азии восточного огузокарлукского литературного языка и огузо-кыпчакского чагатайского языков и образованием государственных объединений Караханидского, Хорезмийского и позже Золотой Орды и Сельджукского союза с последующей дифференциацией родоплеменных объединений;
V. Новой эпохой (XVI–XIX в.) образования современных тюркских народностей и формирования старотуркменского, староузбекского, староуйгурского, и позже староказахского, старокаракалпакского и старокиргизского литературных языков;
VI. Новейшей эпохой (XX в.) после Великой Октябрьской социалистической революции, характеризующейся национальной консолидацией тюркских народов и развитием современных литера-

турных языков, узбекского, уйгурского, казахского, каракалпакского и киргизского в регионе Средней Азии и Казахстана.

Наиболее интенсивное проникновение тюркских племен на территорию Средней Азии и смежных регионов относится к VI-VIII в. н.э., когда основным населением этих регионов были наследники скифо-сарматов, парфян, согдийцев, тохаров и других индоевропейских и главным образом иранских племен, оказавших значительное влияние на формирование некоторых тюркских языков Средней Азии, главным образом на их лексику.

Позже в X-XI в. тюркское население Средней Азии состояло из четырех родоплеменных союзов: карлуков, огузов, кыпчаков и на востоке киргизов, из которых в послемонгольский период (XIII-XV в.) и последующую эпоху соответственно образовались современные тюркские народы Средней Азии и Казахстана: из карлуков - узбеки и уйгуры, из огузов - туркмены, из кыпчаков - казахи и каракалпаки и из киргизов - киргизы.

Известно, что для раннего периода средневековой истории народов Средней Азии и Казахстана основными литературными языками были фарси и араби, при относительно слабом развитии тюркского литературного языка древних уйгуров сначала с согдийской, а затем с арабской письменностью, но начиная с X века, и в особенности с XII века господствующее положение занимает тюркский литературный язык тюрки, которым пользовались все тюркоязычные народы не только Средней Азии, но и Восточной Европы.

Древнейшим, первым вариантом тюрки, распространным в Средней Азии, следует считать древнеуйгурский язык X-XI веков, но основополагающим и установившим определенные нормы и каноны, а также и основную письменность на арабском алфавите, является уйгуро-карлукский язык Караханидского Государства. Все позднейшие локальные варианты тюрки развивались в большей или меньшей мере под влиянием этого классического варианта тюрки, каким является литературный язык Государства Караханидов.

Проблема периодизации литературного языка тюрки и его локальных вариантов, с одной стороны, связана с развитием феодальных государств тюркских народов X-XIX в., а с другой

- с возвышением конкретных тюркских племен, племенные языки которых имели соответствующее отражение в нормировании конкретных вариантов тюрки. Объединенные единой письменностью на арабском алфавите, с объединяющим их значительным влиянием уйгуро-карлукского языка, государства караханидов с одной стороны и мощным воздействием на лексику тюрки литературных языков фарси и араби, локальные варианты тюрки, содержащие иногда до 80 % заимствованной арабской и персидской лексики, составляющей своеобразный "интернациональный" фонд, были весьма близки друг к другу и взаимно понятны для всех тюркских народов, пользующихся литературным языком тюрки. Близость этих локальных вариантов тюрки между собой объяснялась также и тем, что системы словообразования и словоизменения тюркских языков чрезвычайно сходны, а при наличии значительного фонда общей лексики, которая цементировалась общей системой словообразования и словоизменения, локальные варианты тюрки отличались по существу друг от друга только незначительными отклонениями лексической и грамматической норм этих вариантов.

При этих специфических условиях развития литературного языка тюрки и процесса дифференциации его на локальные варианты, проблема периодизации тюркских языков X-XIV в. сводится к установлению отношений того или иного локального варианта, с одной стороны, к определенному феодальному государственному объединению, а с другой - к определенному племенному языку, отражение которого в конкретном варианте и характеризует его в отношении некоторых специфических особенностей.

Отношения каждого локального варианта к тому или иному государственному объединению, с одной стороны, и к той или иной этнической группировке - с другой породили сложную двойную терминологию для названия каждого локально-временного варианта тюрки, которая для каждого конкретного случая характеризует тот или иной локальный вариант с одной стороны в отношении его принадлежности к тому или иному государству или племенному союзу, а с другой - к диалектной основе. Так: I) язык государства караханидов наряду с наименованием кара-

ханидского языка имеет название по отношению его к диалектной основе – карлукского или уйгуро-карлукского, поскольку карлуки относятся к уйгурскому союзу племен; 2) тюркский литературный язык Хорезмийско-тюркского государства XI века получил в науке название хорезмийско-тюркского языка, а по принадлежности к этносу – огузо-кыпчакского; 3) сельджукский язык по имени союза племен, возглавляемых сельджуками, а по этнической принадлежности имеет название огузского; 4) Джучидский или золотоордынский язык по имени улуса Джучи и государства Золотой Орды, а по отношению к этносу – Кыпчакский; 5) Чагатайский – по имени улуса Чагатая и он же карлукский по своей диалектной основе, но уже со значительным влиянием соседних племенных языков огузского и кыпчакского. Все эти варианты языка тюрки вместе с тем в той или иной степени отражали воздействие уйгуро-карлукского языка Караханидского государства, поскольку этот язык являлся образцом для всех последующих локальных вариантов тюрки.

Только в XУ-XУI в., вместе с консолидацией народностей Средней Азии и Казахстана литературные языки приняли в науке соответствующие этнической принадлежности названия: старотуркменский, староузбекский, староуйгурский, староказахский, старокаракалпакский, старокиргизский и т.д., позже получившие национальные названия: туркменского, узбекского, уйгурского, казахского, каракалпакского, киргизского и проч.

В истории развития культуры народов Средней Азии и Казахстана особенно дискуссионным является вопрос о датировке и принадлежности к той или иной народности письменных литературных памятников.

Одним из древнейших вариантов тюрки был уйгуро-карлукский литературный язык Караханидов, оставивший нам крупные письменные памятники в различных стилистических модификациях. Основными центрами его распространения были Кашгар, Узгент, Самарканд, Бухара и Хорезм. Памятниками этого литературного языка на согдийском, отчасти на сирийском (христианские несторианские тексты, найденные в Семиречье и опубликованные Д.Хвольсоном и В.Радловым), но главным образом на арабском алфавите были: "Кутадгу-Билиг" – сочинение

Юсуфа Хас-Хаджиба из Баласагуна и записи живого языка карлуков (или как их называл автор – хаканских тюрков) Махмуда Кашгарского в его известном филологическом словаре "Диван Лугат-ит-тюрк".

Распространяясь в тюркской среде на территории Средней Азии и Ирана, наряду с языками фарси и араби, караханидский литературный язык тюрки позже, но еще до монгольского нашествия, локализовался в двух основных разветвлениях: с одной стороны – в Мавераннахре, а с другой – в Хорезме.

Первое разветвление тюрки, распространившееся в Мавераннахре, было продолжением прямых традиций караханидского языка на той же карлуко-уйгурской основе, памятниками которого можно считать "Атабат-уль-Хака'ик" и "Асхаб-уль Кахф".

Во второй половине XШ века, уже в Послемонгольскую эпоху, под влиянием соседних огузских и кыпчакских племен, этот язык, характеризующийся чисто карлукскими чертами, несколько изменил свою диалектную основу и получил название чагатайского языка по своему отношению к улусу Чагатая. Диалектная основа чагатайского языка характеризовалась уже смешением основных карлукских черт также с огузскими и кыпчакскими. Основными памятниками чагатайского языка, время которого определяется второй половиной XШ века до начала XУ века, например, относятся "Арабо-персидско-тюркско-монгольский словарь" Аз-Замахшари – "Мукаддимат-уль-'адаб", тюркская часть которого, по мнению В.В.Бартольда (Barthold, I926-I927), отражает среднеазиатский литературный язык XП-XШ в. (датируется I257 годом). Не относясь прямо какому-либо из современных языков, чагатайский язык вместе с тем был общим языком предшественником для староузбекского и староуйгурского языков.

Староузбекский литературный язык, основными центрами которого был Герат, Самарканд, Бухара, а позднее Коканд и Хива, развился на основе чагатайского языка, вобрав в себя элементы караханидского и хорезмско-тюркского. Окончательно староузбекский литературный язык сформировался в произведениях Алишера Навои (I44I-I50I) и сочинениях его последователей "Бабур-нама" Захир-эт-дина Мухаммеда Бабура

(1483-1530), "Шейбани-нама" Мухаммеда Салиха (умер в 1535 г.) и наконец в более поздних памятниках хивинского Абу-ль-Гази-хана (1603-1664); "Шаджара-и-тюрк" и "Шаджара-и-таракима"; сочинениях Омар-хана Кокандского (годы правления 1812-1821) и Шир Мухаммеда Муниса Хивинского (1773-1829).

Более поздним разветвлением чагатайского литературного языка был староуйгурский язык, основным центром которого был Кашгар и соседние с ним города, на котором писали свои произведения Мухаммед Имин Хирхити ("Мухаббат-нама ва михнаткам"); Залили ("Тазкираи-чилтан"); Абдурраxим Назири ("Раб'и а-са'дин"); Молла Шакир ("Запар-нама"); Навбити ("Газеллар"); Молла Билал ("Газзат-дар Мюлки Чин") и др.

Параллельно с языком тюрки, распространенным в Мавераннахре в XШ-XIУ в., известным под названием чагатайского языка и послужившим источником для образования староузбекского и староуйгурского литературных языков, в это же время в Хорезме, входившем тогда в состав государства Сельджукидов, был распространен литературный язык, который по признаку государственного объединения мог бы быть назван хорезмийско-тюркским (в отличие от древнего хорезмийско-иранского языка), а по этническому признаку - огузо-кыпчакским. Одним из основных литературных его памятников можно считать, например, сочинение Ахмеда Ясави "Диван-и-Хикмет".

Хорезмийско-тюркский (огузо-кыпчакский) язык тюрки послужил основой для двух последующих локально-временных вариантов, которые могли бы быть названы как:

1. Первый - сельджукский (огузский), т.е. литературный язык союза племен, получивший по имени его основателя Сельджука, с огузской диалектной основой. К памятникам этого языка относятся "Китаби Деде Коркут", "Чарх-нама" - сочинение Ахмеда Факиха; Сельджукские вирши в Диване Султана Веледа; стихи Джелал-аддина Руми и др. памятники, относящиеся к XШ-XIУ в. Сельджукский вариант тюрки позже в XУ-XIX в. послужил основой для староосманского языка, а в Средней Азии для старотуркменского языка (сочинения Азади, Сеиди, Махтума-Кули и др.).

2. Второй - Джучидский или Золотоордынский литературный

язык, более поздний по отношению к сельджукскому варианту тюрки в восточной своей части огузо-кыпчакский, а в западной - кыпчакский со следами значительного влияния уйгуро-карлукского языка и литературных традиций, возникший в улусе Джучи, в территорию которого входил Хорезм и часть Восточной Европы. К этому варианту тюрки относится и так называемый мамелюкско-кыпчакский или египетско-мамелюкский тюркский язык, к памятникам которого относится например "Тюркско-арабский словарь", созданный на территории Египта, изданный Т.Хоутсма (Houtsma 1894). К памятникам Джучидского или Золотоордынского языка (огузо-кыпчакского и кыпчакского по этнической своей принадлежности) относятся: "Нахджу'-ль Фарадис", "Сирадж-уль кулуб", "Хусрав-у-Ширин", "Мухаббат-нама", "Мирадж-нама", "Мифтаху"-ль-'адль", "Китаб Гулистан би-т-турки" и проч.

Позже в XУI-XIX в. этот вариант тюрки оказал большое влияние на формирование старотатарского языка, который служил литературным языком Казанского и Астраханского ханств, а затем и литературным языком татар, башкиров и отчасти казахов и киргизов.

Все, указанные выше варианты литературного языка тюрки впоследствии соответственно дифференцировались в национальные литературные языки, которые однако, благодаря единой основе, общим литературным традициям и общей арабской основе письменности были близки между собой. Близость таких языков как старотуркменский, староузбекский, староуйгурский, старотатарский, старокаракалпакский, староказахский вплоть до Октябрьской революции позволяла всем этим народам взаимно свободно читать и понимать все тексты.

В новейшую эпоху, после Октябрьской революции, национальное размежевание, образование союзных и автономных республик и областей создали условия для дальнейшего развития национальных литературных языков Средней Азии и Казахстана. Эти условия способствовали необычайному расширению общественных функций национальных языков, что было вызвано в свою очередь следующими основными и общими для всех народов Советского Союза процессами: а) созданием широкой

сети начальных и средних школ, ликбезов, различного рода курсов, открытием техникумов, вузов и проч.; б) подготовкой кадров учителей и культработников на родном языке; в) созданием учебников и учебных пособий на родном языке; г) увеличением периодических изданий и прессы: газет, журналов, а также литературы - общественно-политической, художественной и научной; д) организацией исследовательских центров для изучения родного языка и национальной культуры для разработки основных вопросов языкового и культурного строительства; улучшения алфавитов, правил орфографии, разработки терминологии, создания описательных и учебных грамматик, составления словарей и проч.; е) организацией делопроизводства местных органов власти и проведения всех общественно-политических мероприятий на родном языке; ж) развитием национального искусства: театра, оперы, ансамблей песенного творчества, художественной самодеятельности, а также проведением радио- и телепередач на родном языке способствующих внедрению общелитературных норм устного разговорного языка.

Особенностью формирования новых литературных языков народов Средней Азии и Казахстана является та, что диалектная основа каждого из них сознательно была определена с учетом роли данного диалекта, как основного господствующего и не имеющего значительных резких отличий от других крупнейших диалектов данного конкретного языка, что обеспечивало обслуживание литературным языком широких масс населения, говорящего на данном языке.

Характерными же процессами нормирования литературных языков народов Средней Азии и Казахстана являются: а) установление ведущего диалекта и основных его фонетических особенностей с учетом расхождения фонетического оформления слов и грамматических форм по диалектам; б) разработка алфавита в соответствии с фонематическим его составом; в) орфографических норм - правил орфографии и орфографических словарей; г) установление основных принципов терминологии и составления терминологических словарей; д) нормирование грамматической структуры, в основных чертах соответствующей

нормам грамматики ведущего диалекта и составления описательных нормативных грамматик, основа которых не должна расходиться с основным ведущим диалектом; е) нормирование лексики путем составления национально-русских, русско-национальных и толковых национальных словарей, в которых устанавливается не только состав лексики, но и ее употребление; ж) стандартизация и унификация произношения и разработка орфоэпических норм литературного разговорного языка.

В формировании, развитии и нормировании языков народов Средней Азии и Казахстана, как и всех других языков народов СССР, большую роль сыграл русский язык. Развитие культуры, общественно-политической мысли, науки, искусства, техники и экономики народов СССР происходило и происходит в тесном взаимодействии и сотрудничестве с русским народом. Естественно, что русский язык служил и служит одним из основных проводников новой социалистической культуры, общей для всех народов Советского Союза и, таким образом, стал играть роль языка межнационального общения. Влияние русского языка на языки народов Средней Азии и Казахстана выразилось главным образом в значительном пополнении языков новыми словами и специальными терминами, основной фонд которых стал по существу единым для всех народов Советского Союза, а также в развитии стилистических разновидностей языков народов Средней Азии и Казахстана.

Советский Союз, как единое многонациональное государство, объединяет все народы, входящие в него под знаком единства своих идеалов, единой социалистической системой своей экономики, единой идеологией, единством и солидарностью в международных отношениях и единством в обороне своих завоеваний, а следовательно заинтересован в сохранении и укреплении этого общего единства.

Эти единые, исторически создавшиеся условия для всех народов СССР, выдвигают необходимость утверждения единого языка межнационального общения, которым становится русский язык, принятый всеми народами Советского Союза, не только как язык большинства населения, но и как один из самых развитых языков мира. Приуменьшение роли и значения русского языка, как

языка межнационального общения, может ослабить единство народов Советского Союза в его борьбе за социалистическое преобразование мира, равно как и преувеличение его значения и недостаточное внимание к развитию родных национальных языков может ослабить сплоченность и дружбу советского народа.

I. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

2. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1982.

3. Языки народов СССР. Т.2. Тюркские языки. М., 1966.

4. Barthold W. Eine Zamaḫšari Handschrift mit alttürkischen Glossarien. "Islamica", Vol.II.Leipzig,1921-1927.

5. Caferoğlu A. Türk dili tarihi notlary.I-II.Istanbul, 1943-1947.

6. Dilaçar A. Türk diline genel bir bakiş.Ankara.1964.

7. Houtsma Th. Ein Türkisch-arabisches Glossar.Leiden, 1894.

8. Menges K.H. The Turkic languages and peoples.An introduction to turkic studies.Wiesbaden, 1968.

9. Philologiae Turcicae Fundamenta, Vol.I-II.Wiesbaden. 1959-1964.

10. Sinor D. Introduction a l'étude de l'Eurasie Centrale. Wiesbaden, 1963.

О КОНЦЕПЦИИ И ХРОНОЛОГИИ ЭТНОГЕНЕЗА ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Разработку главного вопроса истории таджикского народа - теории его этногенеза - начал великий педант науки А.М.Мандельштам. Он очень скрупулезно собрал все имеющиеся к середине XX века материалы, тщательно проанализировал и, взвесив все нюансы фактов и выводов, выдвинул одновременно и теорию таджикского этногенеза, предложив его решение для важнейшего этапа - периода завершения формирования таджикского народа [I]. А.М.Мандельштам, взяв за основу совершенно логичные этнические критерии языковой, территориальной, экономической и психической (культурной) общности, показал возможность их применения конкретно к анализу таджикского этногенеза эпохи формирования феодальной социально-экономической формации. Причем, оказалось вполне возможным проследить наличие зрелости названных общностей таджикского народа феодальной эпохи, но, естественно, при гораздо меньшей степени качественной консолидации, чем у наций капиталистической или социалистической социально-экономической формации. А.М.Мандельштам убедительно определил также время завершения сложения таджикской народности IX-X вв. (с ограничительным определением "в основном"), место - в границах территории первого таджикского государства Саманидов, этнические компоненты в составе ираноязычных аборигенных народностей и племен и весьма малую долю участия других неиранских этнических групп (тюрков, арабов и других) в раннем средневековье. Мандельштамовская концепция этногенеза таджикского народа впоследствии была принята и с некоторыми уточнениями и дополнениями положена в основу моего соответствующего раздела главы ("Средняя Азия в период Тахиридов и Саманидов. Складывание таджикской народности") в многотомной академической "Истории таджикского народа" [2], а затем специальной главы монографии о государстве Саманидов [3]. Активно проводившиеся в 50-70 гг. XX в. историко-археологические исследования и большой накопленный материал позволи-

ли мне в 1968 г., в общих чертах в порядке постановки вопроса, наметить три историко-территориальных региона, в которых шел процесс формирования таджикского народа. Первый из них, южный, включал Хорасан и Тохаристан и прилегающие к ним более мелкие области; второй, центральный, - Зарафшанский и Кашкадарьинский Согд и третий, северный - области бассейна Верхней и Средней Сырдарьи с главным ядром - Уструшаной, Ходжентской областью и Ферганой. Конечно же, всестороннее изучение и окончательное решение вопроса о выделении таких регионов - задача больших исследований. В силу своих тогдашних занятий мною были сделаны более конкретные обобщения по северо-таджикскому региону [4]. Выделение трех регионов таджикского этногенеза пока не встретило возражений в научной литературе. Эта идея по северному региону принята ныне в исследовании этнографа В.И.Бушкова "Население Северного Таджикистана (формирование и расселение)" [5].

Ставя вопрос о формировании таджикского народа в пределах трех историко-культурных регионов, мы не считаем, что в каждом из них этот процесс шел изолированно, наоборот, выявляется тесная их связь во многих аспектах развития. Общие социально-экономические и культурные предпосылки оказались здесь сильнее географического фактора: ведь каждый регион, кроме Хорасана, располагался в бассейне определенной основной реки, все они разделялись между собой горами - Туркестанским и Гиссарским хребтами, что, казалось бы, должно было бы воздействовать как изолирующий и в некоторой степени задерживающий фактор. К примеру, тесную многостороннюю связь между центральным и северным регионами я тогда иллюстрировал на примере Согда и Уструшаны.

Общими вопросами этногенеза таджикского народа и его предков, но без общностно-консолидационной разработки названных этногенетических черт, тогда же много и плодотворно занимался академик Б.Г.Гафуров. Им были привлечены и обобщены фактологические материалы исторического, лингвистического, этнографического и антропологического характера, составлены историко-этнографические характеристики согдийцев, бактрийцев-тохаристанцев, хорезмийцев, ферганцев, кидаритов,

хионитов, эфталитов, для ряда периодов отмечена благотворная историческая и этнокультурная взаимосвязь таджиков с узбеками и другими народами региона. Все это В.Г.Гафуров наметил сначала в выдержавшем три издания своем труде "История таджикского народа в кратком изложении" [6], а затем более подробно развернул в выдающейся монографии "Таджики" [7].

Ради восстановления справедливости в нашу эпоху перестройки и гласности, хотелось бы заметить, что мандельштамовская концепция таджикского этногенеза, за исключением отмеченных выше моих работ, вот уже четыре десятилетия замалчивается в нашей историографии. Теперь настала пора создать фундаментальный труд по таджикскому этногенезу, на базе обобщений Б.Г.Гафурова, А.М.Мандельштама и Н.Н.Негматова, а также большой серии конкретных современных исследований Ю.А.Заднепровского по древнейшим ферганцам, Б.А.Литвинского по древним ферганцам, Н.Н.Негматова по уструшанцам, О.И.Смирновой по согдийцам, Б.А.Литвинского по бактрийцам, В.В.Гинзбурга, Л.В.Ошанина, Т.П.Кияткиной и других по древней антропологии, А.А.Фреймана, В.А.Лившица, М.Н.Боголюбова, И.М.Оранского, Л.П.Герценберга, А.Л.Хромова, В.С.Расторгуевой, В.С.Соколовой и других по иранским языкам, М.С.Андреева, Н.А.Кислякова и целой плеяды этнографов по таджикской этнографии.

Причем сразу же заметим, что исследования названных здесь и других ученых разных специальностей подтверждают и дополняют множеством конкретных материалов и суждений мандельштамовско-гафуровские обобщения, никак не нарушая их концептуально-сущностные и хронологические основы, разве только кроме отдельных важных уточнений.

Одно из них: раньше был недооценен факт создания таджикских стихотворных форм и образцов анонимом из Блаха в 727 г. н.э. [8] поэтом Абулаббосом из Мерва (нач.IX в. н.э.) [9] и Мухаммадом ибн Васифом из Герата в 867 г. [10], твердо фиксировавших также зрелость и распространенность таджикского языка в Хорасане и Тохаристане, для формирования которого, несомненно, потребовалось немалое время в предшествующий период.

Второе: богатая древнеиранская и таджикская историческая топонимика и ономастика древнего и средневекового периодов, зафиксированные в письменных источниках и географическо-топографических реалиях Средней Азии, изучению которых теперь уделяется больше внимания, подтверждают, а местами расширяют реальную географию области формирования и жизни таджикского народа в раннее и развитое средневековье, отметая прочь небылицы о якобы его формировании в пределах современной Таджикской ССР и восстанавливая объективно исторические границы таджикского этногенеза, происходившего на территории Советской Средней Азии, Северо-восточного Ирана, Северного и Центрального Афганистана и Северо-западного Китая.

Третье: развертывание археологических работ, особенно раскопки многочисленных городских центров, расположенных в границах таджикского этногенеза и этнической истории в средние века, выявляют во все большем объеме и глубине пласты городской цивилизации во всех направлениях материальной и духовной культуры, в едином поступательном традиционном развитии, лишь один раз несколько прерванном и преобразованном при смене древних религий и культов единым исламом. И это традиционное единство городской культуры раннего и развитого средневековья, и тот факт, что тюркоязычные кочевники-скотоводы оседали и обосновывались в своей массе в сельских местностях, и богатая городская научная, литературная среда средневековых городов, которую сейчас нетрудно установить по таджикскому (персидско-таджикскому) языку и содержанию десятков тысяч рукописей из книгохранилищ нашей страны и многих других зарубежных стран [11] – все это в свете нового материала теперь ясно показывает, что средневековая городская цивилизация была преимущественно таджикской, а благотворная роль этой цивилизации в истории других среднеазиатских народов была огромной, в ряде случаев решающей.

В свете изложенного концепция и хронология начальных этапов и периода завершения формирования таджикского народа на данной фазе этногенетических исследований в кратком

изложении представляется следующим образом.

Сложение таджиков в единый этнос или другими словами в единый народ, формирование соответственно таджикского языка порси-дари представляло собой трехэтапный территориально-хронологический процесс.

Первый этап совершился в составе разносторонне развитого централизованного государства Сасанидов (224-651 гг.), в пределах его северо-восточной, традиционно обособленной, историко-географической и историко-культурной провинции Хорасан, включавшей при Сасанидах области к западу и югу от Амударьи с ведущими городскими центрами Мерв, Герат и Балх. Этнокультурное формирование Хорасана в качестве единой страны началось в пределах северо-восточных приамударьинских территорий (сатрапий) ирано-среднеазиатской державы Ахеменидов (УІ-ІУ вв. до н.э.) и завершилось в составе первичного территориально-политического ядра Парфянского государства (сер.Ш в. до н.э. – 224 г. н.э.) со столицей Михрдаткирт (развалины городища Ниса близ современного Ашхабада). Другая часть Сасанидского государства во главе с Фарсом и древнеперсидским населением включала Южный и Центральный Иран и прилегающие средневосточные области.

О консолидации хорасанских таджиков в эпоху парфян и Сасанидов свидетельствует формирование на базе "элементов иранских языков северо-западной группы, в частности, парфянского" основы хорасано-таджикского языка порси-дари [12]. Зрелое состояние этого языка фиксируют дошедшие до нас надписи УП-УШ вв. н.э. из Мерва, свидетельство ал-Джахшияри, согласно которому вплоть до 742 г. в Хорасане пользовались письменностью на фарси (вероятно, на основе пехлевийского алфавита), замененного в том году арабским языком и письменностью в делопроизводстве Хорасанского наместничества Арабского халифата. Вспомним также творчество таджикских поэтов УШ-IX вв. Таджикский язык порси-дари в первой половине УШ в., был распространен и в другом конце Хорасана, в Балхе. Об этом можно судить по сообщениям ал-Мукаффы и ал-Мукаддаси. До нас дошла также стихотворная песенка жителей Балха, сочиненная по случаю поражения арабского на-

местника Асада ибн Абдаллаха в Хуттале в 727 г. Это одно из первых стихотворных произведений на таджикском языке, сохраненных историком ат-Табари:

"Аз Хуталон омадия,
Ба рӯ табоҳ омадия,
Обор боз омадия,
Хашку низор омадия".

в русском переводе:

"Из Хутталона ты пришел,
Обесчещенным ты пришел,
Сокрушенным ты пришел,
Истощенным, растерянным ты пришел [13].

Таким образом, к УП-УШ вв. консолидация хорасанских таджиков и прочное положение таджикского языка в Хорасане были уже совершившимися историческими фактами.

Второй этап территориально-хронологического процесса развития таджикского этногенеза связан с последовательным включением в его орбиту областей Мавераннахра, заселенных с исторических времен родственными таджикам восточноиранскими народностями - согдийцами, тохарцами (бактрийцами), хорезмийцами, ферганцами, а также сакскими племенами степей и гор. Суть этого второго этапа процесса состояла в постепенном распространении таджикского языка порси (фарси)-дари из Хорасана на Мавераннахр, в начале в Бухарский, Самаркандский и Кашкадарьинский Согд и правобережный Тохаристан, затем в Хорезм, Фергану, Бадахшан, другие горные долины Тянь-Шаня, Памира и замены местных восточноиранских языков и диалектов таджикским. Распространение порси-дари происходило вместе с манихейством через манихейские общины УІ-УП вв. (вплоть до Синьцзяна), через хорасанских парсиязычных мусульман-переселенцев (мавали) в составе арабских отрядов и гарнизонов городов Мавераннахра во второй половине УП-УШ вв. Язык порси-дари, ставший одним из важных орудий мусульманской пропаганды, распространялся широко вместе с исламом. Так, историк Наршахи (X в.) отмечал, что в бухарской мечети в 713 г. Коран читался на фарси. Известно, что в 728 г. мусульманский миссионер отказывался от пропаганды ислама в

Самарканде из-за нехорошего знания фарси. Отметим существовавшие тогда экономические выгоды принятия ислама и языка фарси (освобождение от некоторых специальных налогов, содействие торгово-ремесленным операциям, особенно, согдийцев и пр.), усилившиеся политические, экономические и культурные связи Мавераннахра с Хорасаном в рамках единого Хорасанского наместничества Арабского халифата.

Однако процесс распространения таджикского языка на Мавераннахр и замены им согдийского, тохаристанского, хорезмийского, ферганского, сакского языков был долгим и неравномерным. Вспомним известные сообщения Сюаньцзана (630 г.) о территории распространения согдийского языка, письменности и культуры от Суяба (долина реки Чу) до Кеша (совр. Шахрисябз), согдийские документы с замка на горе Муг (Верхний Зарафшан) начала УШ в., свидетельствующие о продолжающемся делопроизводстве на согдийском языке, сообщение Наршахи о специальных переводчиках на согдийский в бухарской мечети (713 г.). Но, тем не менее, уже к IX-X вв. основная часть населения крупных городов Мавераннахра, особенно Бухары, Самарканда, Ходжента, Ахсиката, Хульбука и ряда других перешла на язык порси (фарси)-дари. Этому способствовало создание государства Саманидов с таджикским языком делопроизводства, возрождение иранских традиций культуры, развитие художественной литературы и науки на таджикском языке, чему содействовала меценатствующая верхушка государства, широкое культурно-возрожденческое движение шуубизм. На языке фарси-дари в УШ-X вв. формируется персидско-таджикская классическая литература (Рудаки, Дакики, Фирдавси и др.), наука (Абуали ибн Сино и др.), на базе которых формируется таджикский (порси-дари) литературный язык.

Третий, завершающий, этап территориально-хронологического процесса сложения таджикского народа связан полностью с государством Саманидов (819/820-999 гг.). Эпоха Саманидов характеризуется развитием производственных сил, существенными сдвигами в социальной структуре общества и в его этнокультурном развитии: в этот период победили феодальные от-

ношения, ускорился и в основном завершился процесс формирования таджикского народа, оформилась его государственность, развивались материальная и духовная культура таджикского народа. Это было время сложения среднеазиатского средневекового города с его довольно сложной социально-экономической и социально-культурной структурой.

В рассматриваемый период в пределах государства Саманидов созревали в основном все определяющие признаки народа: общность языка, территории и культуры, сочетающиеся с наличием определенных экономических связей. Наметившиеся еще раньше территориальная, языковая и культурная общность раннесредневековых народностей в новых условиях государственной независимости Саманидов резко усилили объединительные силы общества. Этому способствовали также активная борьба народных масс, их непрерывные восстания против иноземного ига и ассимиляторской политики господствовавшей арабской военно-теократической знати, также как политика Саманидов по собиранию и возрождению местных культурных традиций, приведших к созданию новых культурных ценностей, в том числе получившие мировое признание классическая поэзия и таджикская наука.

Основными этническими компонентами таджикского народа явились ираноязычные согдийцы и уструшанцы (долина Зарафшана, Кашкадарьинский оазис, бассейн Средней Сырдарьи), бактрийцы и тохары (бассейн Верхней и Средней Амударьи), маргианцы, парфяне (бассейн Мургаба, Северное и Южное Прикопетдагье), хорезмийцы (бассейн Нижней Амударьи), ферганцы (Ферганская долина), а также ряд сакских племен среднеазиатских степей и горных районов Тянь-Шаня, Алая и Памира. Все эти народы говорили на родственных с таджикским древнеиранских языках, вели оседлый, преимущественно земледельческий образ жизни (за исключением саков-скотоводов), антропологически являются носителями коренной темнопигментированной европеоидной брахикранной расы среднеазиатского междуречья (по другому наименованию памиро-ферганская раса) на севере и востоке и долихоцефальной средиземноморской расы местами на юге и юго-западе Средней Азии. Как свидетельст-

вуют палеоантропологические материалы, расовый тип таджиков является древним, местным, непрерывно идущим от древнего периода, не подвергавшимся коренным изменениям в течении последних двух тысяч лет, и лишь кое-где на севере фиксируется некоторая монголоидная примесь к основному европеоидному типу.

Сформировавшаяся этническая общность получила наименование "таджики", понятийный смысл и история возникновения которого породили целую литературу в филологии и истории, уводящую нас в отмеченные выше исторические этапы и языковую среду компонентных слагаемых народа. Этническое имя таджиков дважды зарегистрировано таджикским историком XI в. Абулфазлом Байхаки: "У нас, у тазиков" под 1043-1044 гг., и "воины-тазики" под 1040 г. [14] Таким образом, в первой половине XI в. наименование "таджик" зафиксировано как самоназвание сформировавшегося в Хорасане и Мавераннахре народа.

Отметим также, что одновременно с утверждением в Хорасане и Мавераннахре таджикского языка шел процесс сложения местных диалектов этого языка, отличающихся по ряду признаков от персидских диалектов Западного Ирана. В IX-X вв. отличия диалектов Мавераннахра и Хорасана от диалектов Западного Ирана были уже значительными и поэтому ощущалась потребность в их терминологическом различении - восточные диалекты именовались "фарси", а западные - "аджами". Позднее термин "фарси" стал употребляться и для обозначения западных диалектов. Диалекты Мавераннахра и Хорасана легли в основу письменного литературного языка, который в середине века был общим для таджиков и персов [15]. Основные нормы этого литературного языка были выработаны уже в IX-X вв. Он именовался тогда "порсию дари", позднее просто "порси" или "форси". Тогдашний язык порси-дари был простым, общепонятным, так сказать "от царя до нищего", чуждым всяческого красноречия, вычурности, риторики и арабизмов. Он прочно вошел и в общенародный и в дворцово-административный быт саманидской эпохи.

В области письменной литературы таджикский язык ранее проник в поэзию (УШ-IX вв.), которая в X в. была представлена уже многочисленной плеядой выдающихся поэтов. Спустя некоторое время началось вытеснение арабского языка из области прозы, научной и художественной литературы. К середине X в. относятся также первые переводы богословской мусульманской литературы на таджикский язык. Всю эту литературу буржуазные ориенталисты и некоторые представители советского востоковедения объявили и объявляют "персидский" лишь потому, что язык порси-дари стал впоследствии литературным языком также и персов. На высокохудожественном и богатом языке дари-фарси творили выдающиеся писатели таджикского и персидского народов, а в течении всего средневековья многие двуязычные писатели других народов Востока (азербайджанского, индийского, узбекского, туркменского и др.).

Богатый, высокохудожественный, певучий и мягкий таджикский язык вот уже тысячу лет оказывает большое благотворное влияние на формирование и совершенствование, особенно, на лексику и художественную образность соседних тюркских, особенно узбекского, туркменского, азербайджанского языков, на формирование культурных, бытовых и производственных ценностей их носителей.

Выше мы рассмотрели концепцию и хронологию этногенеза таджикского народа в период его формирования в I тысячелетии н.э. В целом же этногенез и этническая история на протяжении всей истории народа мне представляются в виде следующей схемы-таблицы. В ней отражены следующие главные аспекты вопроса: этапы этнического формирования, хронология этнической истории, этническая территория и межэтнические связи с другими соседними этносами.

(См.таблицу)

Таблица I

По этногенезу таджиков

Этапы этнического формирования	Хронология этнической истории	Этническая территория	Межэтнические связи
I. Индоевропейская общность	неолит, энеолит	Степная и Горная Азия, Восточная и Центральная Европа	Контакты с другими ранними этническими общностями Европы и Азии.
2. Индоиранская	эпоха бронзы	Степи Евразии, склоны горных систем Кавказа, Памира, Гималаев, Тянь-Шаня и Алтая	Контакты с другими соседними общностями.
3. Иранская общность	конец эпохи бронзы и начало эпохи железа	Степи Евразии от Алтая до Карпат, Средняя Азия, Средний Восток	Контакты с финно-угорским, древнетюркскими глубинноазиатскими, дравидоидными, хетто-семитскими и другими общностями.
4. Формирование ираноязычных народностей и племен-прямых компонентных предков-таджиков (бактрийцев-тохаристанцев, маргианцев-парфян, согдийцев, хорезмийцев, ферганцев и саков)	сер.I тыс. до н.э. - сер.I тыс. н.э.	Равнины, долины, горы и степи Средней Азии	Контакты с тюркоязычными и другими общностями.

Этапы этнического формирования	Хронология этнической истории	Этническая территория	Межэтнические связи
5. Развитие языка порси-дари-таджикский, формирование государственности и сложение таджикского народа	I тыс. н.э.	Средняя Азия: Хорасан, Мавераннахр	Во второй половине этапа начало миграции тюрков в Северную и Восточную Среднюю Азию.
6. Таджикский народ: этапы этнической истории II тыс.н.э.	а) X-XУ вв.	Средняя Азия: Мавераннахр, Хорасан, Хорезм	Тесные этногенетические контакты таджиков в период массовой миграции и образования среднеазиатских тюркских этнических компонентов.
	б) XУI-XIX вв.	Средняя Азия: Мавераннахр, Хорасан, Бадахшан	Участие таджикского этнического компонента в формировании узбеков и туркмен в Мавераннахре, Хорасане и Хорезме, частично киргизов в Фергане, казахов Чача-Исфиджаба и Семиречья.
7. Формирование таджикской нации	XIX-XX вв.	Средняя Азия: Исторический Таджикистан	Тесные многосторонние контакты с тюркоязычными народами Средней Азии и Казахстана.

I. Мандельштам А.М. Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. Автореф... канд. дисс. М.-Л., I95I; Он же. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском междуречье. // Советская археология. 20. I954. С.57-93.

2. История таджикского народа. Т.П. Книга первая. М., I964. С.2I9-225.

3. Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). Душанбе, I977. С.2I2-232.

4. Негматов Н.Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье. Автореф... док. дисс. М., I968. С.45-50; Негматов Н.Н. Государство Саманидов... С.2I4-2I9.

5. Бушков В.И. Население Северного Таджикистана (формирование и расселение). Автореф... канд. дисс. М., I988.

6. Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении. М., I949, I952, I955.

7. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Отв. ред. Б.А.Литвинский. М., I977.

8. История ат-Табари. Ташкент, I987. С.204.

9. Ризокулихон Хицоят. Мачма'ал-Фусахо. Техрон, I878. Ч.I (Мукаддима); Дж.Дармстетер. Происхождение персидской поэзии. М., I924. С.II-I2.

I0. А.Н.Болдырев. Из истории развития персидского литературного языка // Вопросы языкознания. I955, № 5. С.79-80.

II. Хотя буржуазная наука их рассматривала (и рассматривает) как исключительно персидские, чему вторит (традиционно или в угоду пантюркистским вожделениям) некоторая часть востоковедов, не освободившихся от груза традиций старого востоковедения. Теперь в новое время перестройки советское востоковедение должно придти к правде в деле определения национальной принадлежности этого культурного наследия.

I2. Гафуров Б.Г. Таджики. С.372.

I3. Табари. II. I492, I494, I602-I603; История Табари. Ташкент, I987. С.204.

I4. Абул-Фазл Бейхаки. История Мас'уда. I030-I04I. Пер. А.К.Арендса. Ташкент, I962. С.725, 758-759.

I5. Лившиц В.А. Иранские языки народов Средней Азии // Народы Средней Азии и Казахстана. Т.I. М., I962. С.I47.

С.Г.Кляшторный
Д.Г.Савинов

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза неразрывно связаны с восточной частью Евразийского континента – Центральной Азией и Южной Сибирью – От Алтая на западе до Хингана на востоке. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Трассы миграционных процессов, то усиливаясь, то затихая, пронизывали Великую степь. Однако, устойчивое соотношение "алтайского" этногенеза с востоком степной зоны Евразии позволяет связать появление первых тюркоязычных этнических групп, самых западных в "алтайской" языковой семье, только с указанным регионом. Эта ситуация сохраняется вплоть до первых веков н.э.

Характерной чертой этногенетических процессов в Великой степи был их дислокальный характер, определяемый высокой степенью подвижности населявших ее племен. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и средневековья была их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих племенных группировок. Только в рамках этнополитических объединений, созданных той или иной родоплеменной группой (династией), казалось бы хаотические миграции приобретали определенную направленность. И только в пределах обширных хронологических периодов заметно, что эти миграции подчинялись общей закономерности – смещению тюркоязычных групп с востока на запад.

Крайняя скудость письменных источников и трудности этнической интерпретации археологических материалов предопределяют реконструктивный характер рассматриваемых процессов в целом и известную гипотетичность частных выводов. Поэтому мы ограничиваемся здесь рассмотрением наиболее общих и ясно очерченных периодов в границах древнетюркской эпохи, с которыми связаны качественно отличные этапы в формировании тюркоязычных этнических общностей.

Начало тюркского этногенеза привычно связывается с распадом государства хунну и обособлением на территории Центральной Азии неизвестных ранее племенных групп, связь которых с хунну, несмотря на определенную тенденцию китайской историографической традиции, в этногенетическом отношении далеко не бесспорна. К настоящему времени достаточно определенно выявилось различие между "неалтайской" (в лингвистическом понимании) принадлежностью ранних хунну, создавших империю, и явно конгломератным позднехуннским сообществом, где преобладали "алтайские" этнические группы. Именно на периферии империи хунну обозначались в первые века новой эры прототюркские этнополитические образования. Первым тюркским фольклорным памятником, зафиксированным письменно в УI в. и отразившим ранний этап тюркского этногенеза, являются генеалогические легенды о происхождении племени ашина и его превращении в господствующую группу внутри возникающего тогда тюркского племенного союза. Генеалогические легенды тюрков, трактуемые обычно весьма узко, позволяют, тем не менее, кроме собственно тюркской генеалогии, обнаружить истоки еще трех племенных традиций, связанных, как оказывается, с начальными этапами этногенеза кыргызов, кыпчаков и теле (огузов). Обычно интерпретируются как самостоятельные две записанные в Чжоу шу и Бэй ши легенды о происхождении тюрков. Обе легенды являются, скорее всего, разными записями одной легенды, отражающими последовательные этапы расселения тюрков-ашина в Центральной Азии. После переселения ашина на Алтай в их генеалогическую традицию включаются как равноправные участники тюркоязычные этнические группы севера Центральной Азии и Южной Сибири, создавшие обособленные владения по соседству с тюрками-ашина. Согласно записанной в Китае генеалогии это группа цигу, т.е. енисейских кыргызов, группа "белого лебедя", отождествляемая авторами с кыпчаками, и группа теле, отождествляемая с упоминаемыми в легенде родичами ашина, поселившимися на р.Чжучже.

Анализ обеих версий легенды позволяет отметить два важных обстоятельства – во-первых, четыре основные древнетюркские группировки племен, сохранившие в позднейшую эпоху историческую преемственность, сложились на весьма раннем этапе тюркского этногенеза, когда еще ощущалось и запечатлелось в повествовательной традиции их генеалогическое родство. Во-вторых, по счету поколений сведения, сохранившиеся в записи УІ в., отражают события У в. или, возможно, ІУ–У вв., происходившие на территории Восточного Тянь-Шаня и Саяно-Алтая (включая Монгольский Алтай), что дает возможность обратиться к сохранившимся фрагментам описания исторических событий и археологическим материалам этого времени.

На территории Саяно-Алтая в Ш–У вв. выделяются несколько археологических культур, которые по некоторым характерным элементам, получившим развитие в этнически определимых культурах древнетюркской эпохи, могут быть с различной степенью достоверности атрибутированы как раннекыргызская, раннетелеская и раннекыпчакская. Так в таштыкской культуре Ш–У вв., сложившейся на территории Среднеенисейской низменности, четко прослеживается ряд элементов (обряд трупосожжения, некоторые конструктивные особенности погребальных склепов, отдельные виды украшений и керамики), получивших дальнейшее развитие в культуре енисейских кыргызов. Памятники берельского типа на Горном Алтае (Ш–У вв.) отличаются сопроводительными захоронениями коней и на этом основании справедливо трактуются как раннетелеские. В синхронных памятниках Северного Алтая, входящих в круг конгломератной верхнеобской культуры, особенно ее одинцовского этапа, достаточно рано прослеживаются элементы, характерные впоследствии для культуры раннесредневековых кыпчаков (серьги в виде знака вопроса, удила без перегиба, витые гривы, ажурный стиль). Создатели перечисленных археологических комплексов, очевидно, связаны с этнокультурным субстратом гунносарматского времени и в Ш–У вв. и уже обособились как самостоятельные этнические общности. Таким образом, анализ письменной традиции и археологических материалов позволяет наметить первый по глубине этап тюркского этногенеза, который может

быть условно обозначен как этап легендарных предков.

В середине УІ в. четыре основных группировки древнетюркских племен вошли в состав нового политического образования, созданного тюрками-ашина, и тем самым было положено начало следующему этапу этнической и политической истории Центральной и Средней Азии – этапу архаических империй (УІ–ІХ вв.).

Новый этап тюркского этногенеза протекал на фоне изменившихся социальных условий (активизация классообразования), в иных территориальных пределах (распространение власти тюркских каганов на среднеазиатскую часть Великой степи и проникновение их политического влияния в зону оседлой среднеазиатской цивилизации), обусловивших новый уровень этнических контактов и экономического симбиоза с восточноиранским миром. Образование тюркских и уйгурского каганатов, а также государств карлуков, тюргешей, кыргызов и кимаков, создавших аналогичные социально-политические структуры, предопределили постепенное смещение к западу центров тюркского этногенеза и одновременное ослабление прежних, связанных с тюрками этнических процессов на территории Центральной Азии.

Внутри архаических империй родоплеменной партикуляризм впервые приобретает противовес, которым становится общеимперская идеология. В рамках единой империи появляются и продолжают существовать даже после ее распада единый литературный язык и письменность, общеимперская мода в материальной культуре, единая социально-политическая номенклатура, отражающие и выражающие новое этническое мироощущение, противопоставляющие себя как целое иному культурному миру. Вместе с тем, в Семиречье, Восточном Туркестане и, отчасти, в Среднеазиатском Междуречье, обозначились совершенно отличные от предшествующих процессы сравнительно узкой локализации устойчивых этнотерриториальных групп, внутри которых усилилось воздействие центростремительных сил, и окрепли прежде нестойкие межплеменные связи, формирующие будущие тюркские народности.

Центростремительные и центробежные процессы,

сменяющие друг друга и сосуществующие в истории архаических империй, отразились в противоречивом характере развития археологических культур этого времени. С одной стороны, происходит сложение общетюркского культурного комплекса, включающего широко распространенные по всему степному поясу во второй половине I тыс. н.э. формы предметов материальной культуры (седла со стременами, сложно-составные луки, трехперые железные наконечники стрел, пряжки, украшения), идеологических представлений, отраженных в погребальном обряде, памятников изобразительного искусства. С другой - достаточно четко фиксируются культурно-дифференцирующие признаки археологических комплексов, имеющих конкретное этническое содержание. Так, могут быть выделены три самостоятельные археологические культуры, различающиеся нормами погребального обряда, характером оформления предметов и их декором - культура енисейских кыргызов, культура алтайских тюрков и сросткинская, т.е. кимакско-кыпчакская культура Восточного Казахстана и Северного Алтая. Общая тенденция развития раннесредневековых культур, прослеживаемая по характеру распространения различного рода инноваций - с юга на север, с востока на запад.

Таким образом, в течение всего I тыс. н.э. в Центральной Азии и степной части юго-западной Сибири, в Семиречье и на Тянь-Шане, в рамках общих для тюркской этнической среды процессов, происходило сопряженное формирование культурных традиций, связанных с собственнотюркским, огузским, кыргызским и кыпчакским этногенезом.

В границах архаических империй четыре разных группировки тюркоязычных племен консолидировались и превратились в очаги формирования новых этносов. Кимакско-кыпчакская группа, где главную роль играли сиры и некоторые огузские племена, покинувшие Центральную Азию, передвинулась в бассейн Иртыша, а затем стремительно распространилась в западном направлении, оттеснив на юг многие другие тюркские племена. Кыргызы, раздвинув границы всего енисейского государства, освоили малоудобные для кочевников, но обладав-

шие значительным хозяйственным потенциалом предгорные и лесостепные районы от Байкала до Восточного Казахстана, что находит отражение и в археологических материалах. Границы распространения кыргызов в IX-X вв. маркируют на востоке погребения близ Читы, на западе могильник Узун-Тал на Южном Алтае; кыргызские элементы прослеживаются в инвентаре курганов Западного Алтая и Верхнего Иртыша. Западная граница распространения влияния енисейских кыргызов отмечена материалами погребения на р.Или.

Группа токуз-огузских племен, в жестокой борьбе с северной экспансией Тибета, все более смещалась в сторону западной части Ганьсу и в Восточный Туркестан, уже в середине УШ в. превратив Таримский бассейн в западную периферию своего государства. Тюрки, потерпевшие политическую катастрофу в 714 г., и утратившие свою центральноазиатскую прародину, концентрировались в Кашгарии и в Семиречье, где в X в. после принятия ислама и смешения с родственными карлукскими племенами создали Караханидское государство. Их семиреченская ветвь, потомки тюрко-огузских племен Западного каганата, теснимые карлуками, тогда же формируют варварское государство приаральских огузов, ассимилируя население присырдарьинских оазисов и приаральских степей. Динамика этнического развития, определившаяся в недрах архаических империй, отчетливо проявилась в этих варварских и раннефеодальных государствах, формирование которых положило начало следующему этапу политической, социальной и этнической истории Великой степи - этапу варварских государств. Именно в рамках этих государств наиболее ясно обозначались нуклеарные компоненты, вокруг которых консолидировались этнические процессы, определившие языковую и культурную специфику тюркских протонародностей раннего средневековья.

Вместе с тем, резко изменилось соотношение эндогенных и экзогенных факторов, определявших направленность этнокультурных процессов. Главным на следующем этапе этногенеза оказалось не столько саморазвитие древнетюркских ком-

понентов, сколько воздействие теснейших контактов с окружающей этнической средой – иранской, кавказской, малоазийской, финно-угорской. Обе линии этнического развития – привнесенная центральноазиатская и местная субстратная – по-разному проявились в расогенезе, культурогенезе и в собственно этнической истории тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана.

Т.А.Жданко

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ТРУДАХ ЭТНОГРАФОВ

При всем значении и актуальности исследования этногенетических проблем, до сих пор еще не разработана историография этнической истории Средней Азии и Казахстана. Задача автора статьи – вкратце осветить участие этнографов в изучении некоторых вопросов этногенеза и культурогенеза народов этого обширного, полиэтничного историко-этнографического региона.

Важным этапом развития таких исследований стала состоявшаяся в 1942 г. Ташкентская сессия по этногенезу народов Средней Азии, организованная находящейся в то время в Ташкенте Комиссией по этногенезу и этнографии при Отделении истории и философии АН СССР. На сессии выступили с докладами крупнейшие исследователи Средней Азии – историки, археологи, этнографы, востоковеды, антропологи (С.П.Толстов, А.Ю.Якубовский, И.И.Умняков, К.В.Тревер, А.Н.Бернштам, Н.А.Кисляков, Г.Ф.Дебец, Л.В.Ошанин, В.В.Гинзбург, М.М.Герасимов и др.) [1]. Сессия вошла в историю среднеазиатской этнографии – на ней впервые проблема этногенеза среднеазиатских народов рассматривалась как общерегиональная и подлежащая комплексному (междисциплинарному) исследованию; были намечены основные, узловые этапы этногенеза каждого из народов региона, примерные хронологические рамки периодов, "когда и где этногонический и глоттогенический процесс данного народа достигает ступени, близкой к завершению, когда становятся ясными его грядущие этно-лингвистические результаты" [2].

Дальнейшее развитие исследований в этой области в 1940-е – 1950-е гг. было связано с подготовкой Институтом этнографии АН СССР совместно с этнографами республик двух томов многотомной серии "Народы мира", посвященных Средней Азии и Казахстану [3]. Для этого двухтомника были написаны общий очерк этнической истории региона и разделы по этногенезу

каждого из обитающих в нем крупных и малых народов. В те же годы в республиканских академиях наук создавались силами больших авторских коллективов труды по "Истории с древнейших времен..." отдельных республик и народов, в которых находили отражение появляющиеся новые материалы и концепции этногенеза.

Большое значение в развитии этого направления исследований имела организация и многолетняя планомерная работа крупных комплексных экспедиций Института этнографии и республиканских научных учреждений - Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (руководитель - С.П.Толстов), Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции - "ЮТАКЭ" (руководитель - М.Е.Массон), Киргизской археолого-этнографической экспедиции (руководитель - Г.Ф.Дебец); все они включали наряду с археологическими и этнографические отряды, вели также и антропологические исследования. Несколько позднее стала работать Среднеазиатская этнографическая экспедиция (руководитель - Н.А.Кисляков, позднее - Б.Х.Кармышева). Перед всеми экспедициями ставилась в числе других задача детального исследования этнического состава и культуры населения изучаемых ими регионов и использования новых полевых материалов для разработки историко-культурных и этногенетических проблем.

В значительной степени благодаря работе этих экспедиций появилась возможность широкого обсуждения этногенеза некоторых народов. В 1956 г. во Фрунзе состоялась научная сессия по этногенезу киргизов; эта издавна дискуссионная проблема подверглась на сессии разностороннему анализу: в докладах участников обсуждались в аспектах этой проблемы результаты археологических (А.Н.Бернштам, Ю.А.Заднепровский), этнографических (С.М.Абрамзон, Е.И.Махова), антропологических (Г.Ф.Дебец, Н.Н.Миклашевская) исследований отрядов Киргизской экспедиции; участвовали в сессии и историки, языковеды-тюркологи, специалисты по народному прикладному искусству и по музыке киргизского народа.[4] Научные выводы, сформулированные в резолюции сессии, послужили исходной концепцией для последующих дискуссий по спорным вопросам,

связанным с этой проблемой; в частности, это касается до сих пор еще не разрешенного спора о степени участия средневековых енисейских кыргызов в этногенезе и глоттогенезе киргизского народа. Этот вопрос вызвал ряд противоречивых суждений и на нашей конференции.

В 1967 году в Ашхабаде состоялось Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа: обсуждение этой проблемы было также широким и комплексным, доклады представили ученые Туркмении, научные сотрудники ЮТАКЭ и Хорезмской экспедиции, историки, этнографы, археологи, антропологи[5].

Нельзя не отметить и участия археологов и этнографов Хорезмской экспедиции (в том числе и каракалпакских ученых) в создании истории каракалпакского народа. Так, первый том трехтомных "Очерков истории Каракалпакской АССР" (1964) целиком написан коллективом сотрудников этой экспедиции.

Можно сказать, что после многолетнего опыта принцип комплексного исследования внедрился в жизнь и к настоящему времени стал ведущим в разработке проблем этногенеза народов Средней Азии.[7]

В то же время нельзя не признать, что исследователи этногенеза пока еще не достигли умения синтезировать данные разных наук в своих изысканиях; необходимы более частые их встречи и более тесные творческие контакты для взаимного обмена информацией о результатах исследования общей проблемы и лучшей ориентации в смежных научных трудах.

Попытаюсь вкратце охарактеризовать эмпирические материалы и исследования этнографов, наиболее типичные для их вклада в разработку вопросов этногенеза. В первую очередь это комплексы сведений, связанные с тщательным изучением этнического состава населения изучаемых регионов, - отдельных народов, их локальных групп и исторически сложившихся в их среде субэтносов (этнографических групп), а также обитающих в их окружении малых этносов и национальных групп. В результате многолетних полевых работ накоплен богатейший фонд народных исторических традиций - преданий об историческом прошлом, о передвижениях и расселении разных локальных групп, записаны многопоколенные родословные таких

субэтносов, как родоплеменные группы в структуре тюркских народов, а подчас и легендарные генеалогии целых этносов; сохранившиеся древние этнонимы нередко созвучны названиям средневековых племен и народностей и при корреляции их с письменными историческими источниками проливают свет на этнические компоненты, участвовавшие в формировании современных народов на разных этапах их истории. При этом выявляются и общие этнические компоненты, вошедшие в состав нескольких народов региона и свидетельствующие об их этническом родстве. Появились работы, специально посвященные сопоставлению и анализу родоплеменного состава нескольких народов [8], методике исторической стратификации родоплеменных названий [9], а также общим принципам исследования подобных материалов, условно называемых "народной этногонией"; так, С.М.Абрамзон и Л.П.Потапов убедительно показали, что эти комплексы этнографических источников содержат наряду с легендарными повествованиями много достоверных исторических данных, передававшихся устно предками наших информаторов от поколения к поколению. Народная этногония, по мнению этих авторов, – не только область духовной культуры, – фольклор, но и отражение реальных народных знаний о своей истории [10]. Это доказывает и целый ряд историко-этнографических трудов, в которых широко используется народная историческая традиция для выявления компонентов этногенеза и локальных особенностей этнической истории народов региона – узбеков (работы К.Ш.Шаниязова, К.Л.Задыхиной, Б.Х.Кармышевой и др.) [11]; туркмен (Г.П.Васильевой, Я.Р.Винникова, А.Джикиева и др.) [12]; киргизов (С.М.Абрамзона и др.) [13]; каракалпаков (Т.А.Жданко, С.К.Камалова, Л.С.Толстовой и др.) [14]; казахов (В.В.Вострова, М.С.Муканова и др.) [15]. Обширная научная литература, посвященная таджикам, включает и историко-этнографические исследования их локальных групп – матчинцев, таджиков Каратегина и Дарваза и др., а также ягнобцев и памирских народностей, для этногенетического изучения которых бесценным источником служат их древние языки.

Этнографам и археологам необходимо сосредоточить силы на разработке вопросов культурогенеза и историко-культурных связей народов региона; для этого накоплен в результате исследований последних десятилетий огромный материал. Культурогенез – органический элемент этногенетического процесса; сравнительно-исторический анализ памятников материальной и духовной культуры, сопоставление археологических и этнографических явлений дают убедительные свидетельства существования у этносов в их историческом прошлом длительных контактов, этнического родства или тесных хозяйственных и культурных связей. Это направление исследований традиционно в этнографии. Одной из главных форм разработки таких проблем с 1970-х годов стала подготовка Институтом этнографии АН СССР в сотрудничестве с этнографами республик регионального Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, а также издание новых материалов и рабочих карт, сопутствующих разработке этого капитального труда. За минувшие годы накоплен большой и в значительной мере уникальный материал к трем тематическим выпускам атласа: по традиционному хозяйству (ирригация и земледелие, скотоводство), по народной одежде (покрои основных элементов костюма и его комплексы – возрастные, сезонные, повседневные и праздничные; украшения); по жилищу – стационарному (планировка, конструкция стен и кровли, типы очагов и др.) и переносному (юрта).

Издание атласа задерживается в связи с трудоемкостью его подготовки к печати и полиграфической сложностью печатания карт, однако вышло в свет много сопутствующих его разработке трудов – тематических сборников и монографий. Защищен и ряд докторских и кандидатских диссертаций членами его большого авторского коллектива, преобладающую часть которого составляют этнографы Москвы, Ленинграда, академий наук и других научных учреждений республик Средней Азии и Казахстана [16].

При составлении выпуска атласа по теме "Хозяйство" наиболее трудоемкой задачей оказалась разработка класси-

фикаций и картографирование традиционных приемов орошения, земледелия и скотоводства - основных отраслей производственной деятельности населения региона, с глубокой древности отличавшейся разнообразием форм, вызванным различием географических условий: на небольшом участке территории здесь часто встречаются несколько резко различных, контрастных ландшафтов. Многовековая адаптация к природной среде привела к формированию разных видов хозяйства не только у отдельных народов, но и у их локальных этнографических групп. Автор карты распространения типов поливного и неполивного земледелия, Б.В.Андрианов, выделяет на ней 8 типов регулярно орошаемого земледелия, 4 типа предгорного, 3 - горного, 4 - нерегулярного и 5 - неполивного (богарного и на землях естественно увлажняемых пойм и низин) [17]. Не менее сложным оказался опыт классификации приемов скотоводства у оседлого, полукочевого и кочевого населения (авторы типологии и сводной карты - Г.Н.Симаков и Б.Х.Кармышева) [18].

Эти новые типологические исследования существенно обогащают и уточняют разработанную ранее для Средней Азии систему хозяйственно-культурных типов, и более того - вносят известный вклад в глобальную систему ХКТ - карту и приложенную к ней Классификацию хозяйственно-культурных типов земного шара на рубеже XIX-XX вв., опубликованную в 1972 г. Н.Н.Чебоксаровым и Б.В.Андриановым [19]. Авторы атласа дополняют ее; так И.Мухиддинов (АН Тадж. ССР), исследователь земледелия у народов Западного Памира, пришел к заключению о необходимости выделения особого ХКТ - "оседлых пашенных земледельцев-ирригаторов и скотоводов высокогорных засушливых долин Западного Памира, Гиндукуша, Северных Гималаев и Каракорума", объединяющего различные в языковом и расовом отношении народности, живущие в сходных природных условиях высокогорья и создавших специфические способы высокогорной ирригации, приемов полива полей, своеобразные агротехнические приемы полеводства и садоводства. Черты сходства живущих в этом географическом ареале народов распространяются и на некоторые особенности

материальной культуры (жилища и др.), обряды и верования; сходен был также низкий уровень их социально-экономического развития в XIX - начале XX вв.[20]

Известный вклад в детализацию системы ХКТ сделан и исследованиями одного из авторов атласа А.Оразова (АН ТССР); им тщательно исследованы и картографированы приемы пустынного скотоводства туркмен; это позволило расширить и уточнить характеристики одного из подтипов ХКТ кочевников и полукочевников аридной зоны (подтип пустынь и степей), распространенного во многих странах мира, на разных материках.

Широкий круг историко-культурных связей народов Средней Азии и Казахстана, как внутрирегиональных, так и выходящих далеко за пределы региона, обнаруживается при картографировании многих тем. Так, традиционное для Средней Азии пахотное безотвальное рыхлящее орудие, прочно вошедшее в научную литературу под названием омач [21], на сводной карте сельскохозяйственных орудий региона (автор Б.С.Гамбург) представлено почти сплошным массивом; по существующей археолого-этнографической классификации Ю.А.Краснова, оно входит в обширный ареал типа однорукояточных прямогрядильных рал - орудия, существовавшего еще на заре развития пашенного земледелия; ареал его древнейшей формы охватывает Среднюю Азию, Казахстан (главным образом Южный), Синьцзян, Афганистан, Пакистан, Индию, Непал, а также Южную Сибирь, Монголию и Туву [22].

Второй тип однорукояточного рала-омача, отличающийся существенными конструктивными признаками от основного, распространен в Юго-Западной Туркмении, а также в Иране и Афганистане [23]. Связи с русскими, украинскими, башкирскими орудиями пахоты обнаружили авторы казахстанской части атласа в традиционных и отчасти заимствованных плугах, распространенных в Северном Казахстане и сделанных казахскими ремесленниками [24].

Очень плодотворным для выявления древних этнокультурных связей Средней Азии и Казахстана с сопредельными странами оказалось картографирование способов обработки молоч-

ных продуктов, в частности – сбивания масла и типов маслобоек (автор сводной карты – Б.Х.Кармышева); обнаружились особенности приемов и орудий маслоделия у кочевых и оседлых народов, близкие аналогии некоторых среднеазиатских способов приготовления масла у народов Поволжья и Приуралья, Северного Кавказа и Южной России; другие способы и типы маслобоек связаны с кочевым миром, а также с Передней Азией и с Закавказьем; один из своеобразных и древних способов (сбивание масла в крупном сосуде путем вращения деревянной мутовки с помощью ремня), характерный для оседлого ираноязычного населения бассейна Пянджа (памирские таджики, таджики Куляба, Каратегина, Дарваза, Афганского Бадахшана) образовывает ареал, тянущийся далее на юго-восток и захватывающий часть территории Индии [25].

Разносторонние межэтнические и межрегиональные историко-культурные связи находят в своих типологических и картографических исследованиях авторы выпусков атласа по народной одежде (О.А.Сухарева, Н.П.Лобачева и др.) [26] и по традиционному стационарному жилищу, способам отопления, типам хлебных печей (А.Н.Жилина, Т.Н.Томина).

Чрезвычайно интересны результаты разработки типологии и составления региональной карты элементов конструкции юрты – исконного переносного разборного жилища тюркских и монгольских скотоводов-кочевников и полукочевников (автор Г.П.Васильева). Как известно, с конца XIX в. в этнографии установилось мнение о существовании в Средней Азии и Казахстане двух типов юрт – "монгольского" и "тюркского", различающихся по форме купола: конической и полусферической [27]. Монгольский считался исходным, более древним. За последние годы изучение юрты поднялось на новый уровень. В этом сыграло большую роль исследование истории жилища кочевников Евразии С.И.Вайнштейном [28], а также новые археологические материалы, обнаруженные М.В.Крюковым и В.П.Курылевым. Китайские письменные источники и точно датированные терракотовые статуэтки из японского музея Тэнри (изображения верблюдов с навьюченными на них деревянными частями остова юрты) подтвердили датировку

С.И.Вайнштейном возникновения тюркской решетчатой юрты в середине I тыс. н.э. и ее дальнейшее развитие во II половине I тыс. н.э. Составленные Г.П.Васильевой на основе большого этнографического материала типологические таблицы и карта распространения основных типов и подтипов юрт на территории Среднеазиатско-Казахстанского региона явственно показали отсутствие в традиционном быту народов региона юрт монгольского типа (отличающихся прямыми жердями купола и конусообразной его формой), всеобщность распространения здесь типа тюркских юрт, однако подразделяющегося на два подтипа, условно названных автором "кипчакским" и "найманским". У первого – полусферический купол (изогнутые жерди, большой и низкий купольный круг); у второго облик внешне сходен с монгольским. На карте выявились основные ареалы их распространения: более широко распространенный "кыпчакский" тип занимает центральные и южные районы региона; он бытовал у полукочевых узбеков, почти у всех туркмен, у большей части казахов (кроме семиреченских), у южных и памирских киргизов, у узбеков-кипчаков. Так называемый "найманский" тип сформировался, как полагает автор, позднее, бытовал на северо-востоке Казахстана (семиреченские и приалтайские казахи), в Северной Киргизии (кроме Таласской долины) и спускался на юг от Арала по Амударье, захватывая каракалпаков, северо-хорезмских узбеков, туркмен-човдуров и эрсари [29].

Выявленные Г.П.Васильевой ареалы ставят перед исследователями задачу научного обоснования, исходя из реальных факторов этнической истории, возможных причин и условий формирования этих двух подтипов тюркской юрты, в особенности второго – "найманского". Вероятно, возникновение его в восточной части указанного выше ареала (Семиречье, Южная Сибирь) было обусловлено многовековыми непосредственными этнокультурными контактами алтайцев, казахов, части киргизов с соседними народами – носителями монгольской культуры.

Убедительными оказались и результаты опыта этнографического картографирования некоторых элементов духовной культуры. Так, например, Г.П.Снесарев на основе большого

материала своих наблюдений (более 70 старинных кладбищ) картографировал похоронный ритуал узбеков Хорезма. Выявились два его варианта: в грунтовых шурфах - подземный и в разного рода сооружениях типа склепов - наземный. Наложив на эту карту вторую, этническую, он обнаружил закономерное совпадение ареалов распространения подземных захоронений с расселением (гл. обр. на севере оазиса) потомков так называемых даштикипчакских узбеков, в прошлом полукочевых, сохранявших родоплеменное деление. Ареал второго, наземного способа захоронений совпал с расселением потомков древнейшего коренного населения оазиса, исконных земледельцев, не знавших родоплеменного деления и сохранявших в своих верованиях и обрядах отголоски архаичных зороастрийских верований и обрядов. Опыт был продолжен наложением карты хорезмских диалектов узбекского языка; в результате выявленные ареалы двух этнографических групп узбеков совпали с ареалами двух диалектов - кипчакского и огузского. Таким образом, автор установил стойкую зависимость способа захоронения от этнического состава узбекского населения Хорезма, от компонентов его этногенеза.

В ближайшем будущем, судя по многолетним исследованиям В.Н.Басилова, станет возможным и обобщение данных по среднеазиатскому шаманству; нет сомнений, что богатство собранного им уникального материала обеспечит возможность картографирования и установления доселе неизвестных древних межрегиональных связей среднеазиатских народов в области их духовной жизни.

Нами приведено лишь несколько примеров из опыта работы этнографов по анализу своих специфичных источников путем систематизации, типологической классификации и картографирования элементов традиционной материальной и духовной культуры в целях выявления этногенетических и этнокультурных процессов, происходящих в древности и средневековье на территории Среднеазиатско-Казахстанского региона. Потенциал этнографических исследований этногенеза и культурогенеза огромен, в особенности значимым он может

стать при более тесном творческом контакте этнографов с археологами, историками, лингвистами и другими специалистами.

I. Отчет о сессии и тезисы докладов. // Советская этнография. Сборник статей. УI-УП. М.-Л., I947.

2. Там же: доклад С.П.Толстова - Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. С.304.

3. Народы Средней Азии и Казахстана. Т.I. М., I962; Т.П. М., I963.

4. Публикацию докладов и выступлений на сессии см. в кн.: Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т.Ш. Фрунзе, I959.

5. Основные доклады совещания см. в сборнике - Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад, I977.

6. Очерки истории Каракалпакской АССР. Т.I (с древнейших времен до I9I7 г.). Ташкент, I964.

7. См. об этом, например: В.П.Алексеев, А.А.Аскаров, Т.К.Ходжайов. Некоторые проблемы комплексного изучения этногенеза узбекского народа. // Общественные науки Узбекистана. I980. № II.

8. Мошкова В.Г. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен. // Труды Института истории и археологии АН Уз.ССР. № 2. Ташкент, I950.

9. Кузеев Р.Г. Роль исторической стратификации родоплеменных названий в изучении тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии. М., I973.

IO. Абрамзон С.М., Потапов Л.П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркских народов). // СЭ, I975, № 6.

II. Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, I964; Он же. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, I974; Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т.I. М., I952; Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., I976 и др.

I2. Васильева Г.П. Этнические компоненты в составе туркмен по данным этнографии. // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад, I977; Она же. Этнические процессы у западных туркмен в эпоху позднего феодализма (XУI-XУШ вв.). // СЭ, I985, № 5; Джикиев А.Д. Этническая история населения Южного и Юго-восточного Туркменистана в XУI-XIX вв. (автореферат докт. дисс.).

Ташкент, 1988; Винников Я.Р. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т.VI. Серия этнографическая. Ашхабад, 1962 и др.

13. Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. // Труды Киргизской археологической экспедиции. Т.IУ. М., 1960; Он же. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971 (Гл.I. С.10-70) и др.

14. Кданко Т.А. Очерки этнической истории каракалпаков. М., 1950; Толстова Л.С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа. // Этническая история и фольклор. М., 1977; она же. Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. М.,1984 и др.

15. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов Среднего Жуза. Алма-Ата, 1974 и др.

16. Изданы пять тематических сборников статей авторов Атласа по традиционным формам хозяйства (три - в Ленинграде и Москве, два - в Ашхабаде и Ташкенте); АН Каз.ССР издала в форме коллективной монографии (с приложением карт), казахстанский раздел атласа - Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. (Алма-Ата,1980); вышли в свет монографии М.В.Сазоновой - Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма (Л., 1978), А.Мухиддинова - Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX - нач. XX века (Душанбе, 1984), А.Оразова - Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX - нач. XX вв. (Ашхабад, 1985) и др. Опубликовано (и находятся в печати) также несколько тематических сборников и монографий по традиционному народному жилищу и народной одежде.

17. Андрианов Б.В. К вопросу о классификации форм орошаемого земледелия в Средней Азии и Казахстане. // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973; он же. Опыт типологизации орошаемого земледелия и ирригации в Средней Азии и Казахстане (конец XIX - нач. XX вв.). // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984 и др.

18. Симаков Г.Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX - нач. XX вв. // СЭ, 1982. № 4; Кармышева Б.Х. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана. // СЭ, 1969. № 3; Курылев В.П. Опыт типологии скотоводческого хозяйства у казахов (вторая половина XIX - нач. XX вв.). // Проблемы типологии в современной этнографии. М., 1979.

19. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. // СЭ, 1972. № 2.

20. Мухиддинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX - нач. XX вв. Душанбе, 1984; он же. Этнографические аспекты высокогорного земледелия Западного Памира и сопредельных областей (XIX - нач. XX вв.). Автореферат докторской диссертации. М., 1984.

21. Гамбург Б.С. К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX - первой четверти XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975 и др.; он же. Тягловые орудия для обработки почвы. Рукопись, представленная в редколлегию Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана.

22. Краснов Ю.А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975. С.78.

23. См., например: Вавилов Н.И. и Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан. Академик Н.И.Вавилов. Избранные труды. Т.I. М.-Л., 1959. С.173-177. Рис.72.

24. Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. Алма-Ата, 1980. С.204-222.

25. Кармышева Б.Х. Среднеазиатско-кавказские параллели в традиционных способах приготовления молочных продуктов (на примере приготовления масла). // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых экспедиционных этнографических и антропологических исследований. Тезисы докладов. Ереван, 1978. С.124-126.

26. См., например, статьи О.А.Сухаревой, Н.П.Лобачевой и др. в сборнике: Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1979, а также статью Н.П.Лобачевой в настоящем сборнике.

27. См.: Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.

28. Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища кочевников Евразии. // СЭ. 1976. № 4.

29. Васильева Г.П. Юрта - переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана (опыт сравнительной характеристики). С картой. // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. (В печати).

30. Снесарев Г.П. Опыт картографирования некоторых элементов духовной культуры в сочетании с картографированием этническим и диалектологическим. // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Предисловие 3-6

Ю.В.Бромлей (Москва). Ранняя этническая история народов Среднеазиатско-Казахстанского региона: некоторые методологические и историографические аспекты 7-20

Б.А.Литвинский (Москва). Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье (теоретический аспект) 2I-4I

В.М.Массон (Ленинград). Культурогенез и этногенез в Средней Азии и Казахстане 42-53

А.А.Аскаров (Ташкент), Ю.Ф.Буряков, Т.К.Ходжайов (Самарканд). Новые археологические и антропологические материалы к этнической истории народов Средней Азии 54-65

М.С.Асимов (Душанбе). Историко-культурные аспекты этногенеза народов Средней Азии 66-73

Н.А.Баскаков (Москва). Основные исторические этапы формирования тюркских языков народов Средней Азии и Казахстана 74-84

Н.Н.Негматов (Душанбе). О концепции и хронологии этногенеза таджикского народа 85-97

С.Г.Кляшторный, Д.Г.Савинов (Ленинград). Древнетюркские этнополитические объединения и их роль в этногенезе Средней Азии и Казахстана 98-I04

Т.А.Жданко (Москва). Этническая история и историко-культурные связи народов Средней Азии и Казахстана в трудах этнографов I05-II7

Утверждено к печати Институтом этнографии АН СССР

Подписано в печать 3.I0.90 Формат 60x84/I6 Объем 6,5 п.л., 5 уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Цена 75 к. Заказ № 8

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
II7036, Москва, ул.Дм.Ульянова I9